

ОЧЕРКИ

ПРИЛИНЕЙНОЙ ЖИЗНИ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

„ХИВИНКА.“

Войскового Старшины Оренбургскаго казачьяго войска

Никандра Константиновича

БУХАРИНА.

(Посмертное изданіе).

ОРЕНБУРГЪ.

Тип.-лит. Б. А. Вреслина.

1892.

ОРЕРЬКМ

ПЕРМОННОМ ЖАНН ОРЕНБУРГСКОМ КАЗАКОВО

“ХИВННА”

Печатано по распоряженію и. д. Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска.

ОРЕНБУРГ

Телет Н. А. Брестская

1892

Никандръ Константиновичъ Бухаринъ.

(Биографическая замѣтка).

Для лицъ желающихъ ознакомиться съ биографіей покойнаго, приводимъ некрологъ, напечатанный въ № 28 «Оренбургскаго листка» отъ 7-го іюля 1891 года.

Въ субботу, 29 іюня, въ 4 часа утра, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался заслуженный воинъ-казакъ, войсковой старшина оренбургскаго казачьяго войска и кавалеръ, числившійся по войсковой артиллеріи *Никандръ Константиновичъ Бухаринъ* и 1 іюля погребенъ на общемъ христіанскомъ кладбищѣ съ подобающими артиллерійскому штабъ-офицеру воинскими почестями.

Войсковой старшина Н. К. Бухаринъ родился 11 сентября 1841 года и происходилъ изъ старинныхъ дворянъ оренбургскаго казачьяго войска. По окончаніи курса въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ Н. К. службу свою началъ хорунжимъ войска въ конно-артиллерійской № 18 батареѣ 13 іюня 1862 года и съ тѣхъ поръ служилъ по войсковой артиллеріи, притомъ все время почти въ степяхъ съ отличной храбростію и мужествомъ, какъ показываютъ полученные имъ чины и ордена, изъ которыхъ орденъ св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ Высочайше пожалованъ ему за дѣло съ бухарцами 8 мая 1866 года, орденъ св. Анны 3 ст. съ мечами и бантомъ за штурмъ укрѣпленій Ура-Тюбе 2 октября 1866 года и Джузакъ 18 октября того же года, орденъ св. Станислава 2 ст. съ мечами за храбрость и мужество при взятіи Ургута 12 мая 1868 года, орденъ св. Станислава 2 ст. съ Императорскою короною и мечами за дѣло при взятіи Кара-Тюбе 27 мая 1868 года и при обратномъ движеніи къ Самарканду за занятіе садовъ съ боя, орденъ св. Анны 2 ст. съ мечами за дѣло на Зарыбуляжскихъ высотахъ 2 іюня 1869 года, орденъ св. Анны 2 ст. съ Императорскою короною и мечами за взятіе города Карши 21 октября 1868 года. За боевыя же отличія покойный былъ удостоенъ также ордена св. Владимира 3 ст., чина сотника и есаула и Высочайшаго благоволенія. Въ 1880 году онъ назначенъ былъ командиромъ № 1 казачьей батареи, а раньше того состоялъ временно членомъ военно-окружнаго суда и находился въ распоряженіи командующаго войсками туркестанскаго края ген.-адъютанта Кауфмана. Вообще лучшіе годы службы покойнаго посвящены были боевымъ дѣламъ въ средней Азій. На взятіе Ташкента, Чиназа, Джузакъ, Ирджара, Ходжента, Ура-Тюбе, Заамина, Самаркандскихъ высотъ и самаго Самарканда и другихъ пунктовъ (съ 1865 г. и по 23 сентября 1883 года) ушли самыя цвѣтущіе годы служебной жизни покойнаго война. Войсковымъ Старшиной покойный Никандръ Константиновичъ состоитъ съ 24 декабря 1878 г.; но въ служебной карьерѣ по сравненію со сверстниками ему не повезло, и осиротѣлая семья осталась безъ всякаго обезпеченія, если не считать казачьяго земельного участка, на который арендаторовъ въ троичномъ уѣздѣ не находится, такъ какъ земли въ

этомъ районѣ малоцѣнны и бездоходны. Отчисленный по войсковой артиллеріи 23 сентября 1886 года и нуждаясь въ средствахъ къ жизни, покойный вынужденъ былъ нести службу архиваріуса войска съ 1886 г. за скудное вознагражденіе и погребенъ за счетъ войска. За то похороны храброго и доблестнаго воина вышли помпезными. Гробъ его везенъ былъ на пушечномъ лафетѣ шестью лошадьми и въ землю опущенъ былъ при салютаціонной пальбѣ изъ ружей и изъ орудій. Провожавшіе гробъ казачьи офицеры вспоминали съ сердечной теплотой о высокой честности покойнаго, о его боевыхъ трудахъ и способностяхъ и о тѣхъ удивительно прямыхъ и неподкупныхъ чертахъ въ характерѣ, которыя, можно теперь сказать, и помѣшали Н. К. Бухарину не только переуспѣть въ служебной карьерѣ, но даже просто поравняться съ товарищами, изъ которыхъ многіе давно уже генераль-маіорами и завѣдываютъ отдѣльными частями. Въ лицѣ покойнаго войска оренбургское потеряло также незауряднаго археолога своего, этнографа и задумчиваго оратора при торжественныхъ случаяхъ. Послѣ покойнаго остался портфель, полный статей и изслѣдованій о казачьемъ войскѣ. Между прочимъ остается неизданнымъ интересный разсказъ его «Хивинга», изъ жизни нашихъ цѣлѣнниковъ въ Хивѣ. Разсказъ этотъ былъ читанъ и одобренъ когда-то въ засѣданіи оренбургской ученой архивной комиссіи, членомъ которой покойный состоялъ до своей смерти. Войску слѣдовало бы принять всѣ эти матеріалы и издать ихъ, назначить вдовѣ и сиротамъ пособіе въ видѣ гонора.

Осиротѣлую семью покойнаго составляютъ вдова со своей матерью старухой и четверо малолѣтнихъ дѣтей

Мирѣ душѣ твоей, доблестный и приснопамятный воинъ!

Въ этомъ сочувственномъ отзыву неизвѣстнаго автора считаемъ необходимымъ добавить слѣдующее:

Родной отецъ покойнаго: Константинъ Петровичъ *Бухаринъ* (родился въ 1803 г.) служилъ сначала заурядъ-хорунжимъ и заурядъ-сотникомъ въ кордонахъ и въ двухсотенномъ отрядѣ при Султанахъ-Правителяхъ Средней и Восточной части Орды съ 1825 по 1833 годъ, участвуя въ маѣ 1831 года въ содѣйствіи Войсковому Старшинѣ Степану Дмитріевичу Аржанухину при розыскѣ воровъ и разбойниковъ въ 4 башкирскомъ кантонѣ. Подъ командою того же незабвеннаго для Оренбургскихъ казаковъ Полковника Аржанухина, онъ былъ въ Москвѣ въ № 12 полку, гдѣ неоднократно получалъ награды.

Прослуживъ въ этомъ полку съ 14 Апрѣля 1833 г. по 13 Октября 1885 г., онъ возвращаясь, женился въ Октябрѣ 1837 г. въ Эткульской грѣ-ности на дочери Челябинскаго помѣщика Ларисѣ Евдокимовнѣ Михайловой и командовалъ съ 1839 по 1841 годъ 5-й дистанціей по Новой линіи, и Уй-ской станицей.

Въ этой станицѣ онъ жилъ въ собственномъ домѣ, его родной матери вдовы Есаульши Марьи Васильевны Бухариной ¹⁾ гдѣ 11 сентября 1841 г. и родился у него сынъ Никандръ.

¹⁾ Родной дѣдъ Н. К. Бухарина Петръ Бухаринъ въ прошломъ столѣтіи (XVIII) служилъ *Войсковымъ писаремъ*, а по новому штату 8 июня 1803 объ Оренб. каз. войскѣ, поступилъ въ составъ новой канцеляріи Секретаремъ вмѣстѣ съ Войсковымъ писаремъ *Ио. Адвѣсьемъ*.

Спустя два года послѣ рожденія сына мать Никандра Константиновича скончалась, оставивъ дочь Лидію и сына Никандра.

Вскорѣ послѣ смерти жены Ларисы Евдокимовны, Константинъ Петровичъ женился на дочери штабъ-лѣкаря Миасскаго завода Прасковѣ Даниловнѣ Романовской.

За годъ до своей смерти сотникъ Константинъ Петровичъ началъ хлопотать о помѣщеніи сына Никандра въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ декабрѣ 1846 года смерть прекратила его заботы о сынѣ.

На рукахъ у матери остались 6 лѣтній пасынокъ и 8 лѣтняя падчерица, вскорѣ умершая.

Заботы о помѣщеніи Никандра Константиновича въ корпусъ взялъ на себя его родной дядя Аконеръ Петровичъ Бухаринъ, бывшій Адъютантомъ въ Окружномъ Дежурствѣ 2-го военного округа и впослѣдствіи Дежурнымъ Штабъ-офицеромъ въ Войсковомъ Дежурствѣ въ Оренбургѣ, куда въ 1885 году онъ и взялъ къ себѣ Никандра Константиновича.

Никандръ Константиновичъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ относился къ памяти своего дяди (скончался въ 1875 г. въ Троицкѣ въ чинѣ генералъ-маіора Атаманомъ 3 военного отдѣла) за его заботы объ его умственномъ и нравственномъ воспитаніи.

Въ 1855 году Н. К. Бухаринъ поступилъ въ Полоцкій кадетскій корпусъ, какъ оказалось—имѣвшій значительное вліяніе на его умственное и нравственное образованіе.

Въ корпусѣ онъ пробылъ до 13 іюня 1862 г., т. е. по день своего производства въ офицеры.

Что касается послѣдняго періода жизни покойнаго, то считаемъ долгомъ указать, что Н. К. Бухаринъ, неоднократно настаивалъ на необходимости составленія бытовой исторіи войска, до сихъ поръ далеко еще не разработанной.

Съ цѣлію собиранія историко-бытовыхъ матерьяловъ Н. К. Бухаринъ, состоя на должности Войсковаго Архиваріуса, испросилъ разрѣшеніе на поѣздки по всему войску; разрѣшеніе было получено и въ 1888, 1889 и 1890 гг. имъ были совершены поѣздки по станицамъ, лежащимъ внизъ и вверхъ по р. Уралу и внизъ отъ Оренбурга къ Илеку и по р. Илекъ. Этого достаточно было, чтобы собрать богатый и можно сказать теперь, драгоценный матеріалъ изъ разсказовъ стариковъ.

Уже на другой годъ своихъ поѣздокъ Н. К. Бухаринъ не засталъ въ живыхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ свидѣтелей далекаго прошлаго. Вотъ причина, почему онъ всегда настаивалъ на собираніи этихъ живыхъ разсказовъ—преданій.

Въ отношеніи трудовъ покойнаго, необходимо также указать, что кромѣ статьи: «Хивинка» (1888 г.), въ его портфель находятся составленныя въ разное время статьи и мелкія стихотворенія, заслуживающія вниманія:

«Замѣтка о Средне-Азіатской желѣзной дорогѣ» (1876 г.).

«На привалѣ» (1882 г.).

«Братская записка по Аванганскому вопросу (военно-политическій очеркъ) (1884 г.).

«Отъ Автора» (1889 г.).

«Рѣчь по поводу освященія Войсковаго Архива 23 Апрѣля 1889 г.».

«Роковой волокъ» (1890 г.).

«Губерлинскія горы» I часть (1890 г.).

«Докладъ въ Войсковое Хозяйственное Правленіе по вопросу о старшинствѣ Оренбургскаго войска и о знаменахъ уфимскихъ казаковъ» (въ кауцѣ 1890 г.).

Изъ стихотвореній помѣщаемъ нижеслѣдующія:

1866 года.

НА ПРОЩАНЬЕ

М. Г. ЧЕРНЯЕВУ.

Въ широкой песчаной равнинѣ
Какъ вѣтра могучій полетъ,
Несется со знаменъ свободы
Великій Россійскій народъ.

Несется свободно и бодро,
Несется въ томительный зной,—
Черезъ море песковъ раскаленныхъ
Пустынной и мертвой страной.

За этой пустыней песчаной
Долинъ плодородныхъ есть рядъ,
У водъ и въ садахъ ароматныхъ
Народы тамъ нравственно спятъ.

И спятъ они сномъ непробуднымъ
Ужъ много десятковъ вѣговъ,
Не знаютъ во мракѣ свободы разумной,
Не снимутъ тяжелыхъ оковъ.

Туда то съ отвагой стремится,
Туда направляетъ полетъ
Во имя свободы, прогресса
Могучій Россійскій народъ.

И рабъ отдыхаетъ свободно
И труженникъ къ дѣлу идетъ,
Спокойно, подъ кровомъ закона,
Богатства купецъ продаетъ.

И спало тяжелое иго,
Свободно вздымается грудь...
Вздохи же свободно народъ угнетенный
Тебѣ вѣдь пора отдохнуть.

Въ широкой песчаной равнинѣ
Какъ вѣтра могучій полетъ,
Несется со знаменъ свободы
Великій Россійскій народъ.

1883 г.

ФЕРГАНА.

Дымится пикъ Кара-Кызыка,
Въ туманъ одѣлся исполинъ,
Не кажетъ блещущаго лика,
Не видитъ онъ своихъ долинъ.

* *

Снѣга и льды его вѣнчаютъ,
Надъ нимъ лазурный небосводъ,
Кряжи гирляндой окружаютъ,
Сплетаясь въ общій хороводъ.

* *

Орлы примкнули къ его трону—
Гдѣ облаковъ сплелся вѣнецъ;
Все внемлетъ общему закону,
Что далъ природѣ самъ Творецъ.

* *

И тѣхъ орловъ онъ вопрошаетъ:
«Цари-орлы! скажите смѣло,
«Державнымъ окомъ обведя,
«Что такъ въ долинѣ онѣмъло
«И закручило меня?»

* *

«Я вижу новыя явленья
«Въ роскошныхъ долахъ Ферганы...
«Но я ее, со дня творенья,
«Хранилъ въ законахъ старины,

* *

«Я посылалъ ей орошенье—
«Ручьи прохладные снѣговъ
«И на цвѣты и украшенья
«Тѣнистыхъ дремлющихъ садовъ.

* *

«Въ парчу золотую одѣвались
«Поля и пажити равнинъ,
«Обилье, счастье разливались
«Изъ горнихъ весей и стремнинъ.

* *

«Я сочеталъ въ прудахъ прохладныхъ
«Лазурь небесной высоты,
«Въ лугахъ и рощахъ ароматныхъ
«Весь міръ волшебной красоты.

* *

«Подъ темной шапкой карагача
«И виноградныхъ гибкихъ лозъ
«Семья людей не знала плача,
«Не знала голода и слезъ.

* * *

«Ковромъ пурпурнымъ облегая
«Подножье стройныхъ тополей,
«Дышали розы разливая
«Благоуханье для людей.

* * *

«Стѣна плодовъ въ листьѣ сгибалась
«Лаская путника глаза,
«Обширнымъ сводомъ развилась
«Надъ всѣми неба бирюза.

* * *

«Я счастливъ былъ съ своей семьей,
«Съ семьей одѣтою въ снѣга,
«Долина—счастлива со мною
«И такъ мы прожили вѣка.

* * *

«Но что за блескъ и блескъ чудесный?
«Я вижу въ первый разъ его,—
«Хоть на землѣ, но блескъ небесный,
«Зачѣмъ онъ здѣсь и отчего?

* * *

Орелъ маститый отвѣчаетъ:
«Пришли иныя времена—
«То крестъ равнины озаряетъ,
«Тамъ русскихъ блещутъ знамена.»

* * *

Умолкъ Кызыкъ и саванъ снѣжный
Плотище грудь его обвилъ,
И взоръ ласкающій и нѣжный
Въ равнинѣ онъ остановилъ.

6 февраля 1883 г.
Новый Маргеланъ.

1883 г.

Тихо на дорогѣ,
Свѣтитъ млечный путь,
Отъ заботъ, тревоги
Гдѣ мнѣ отдохнуть?

* * *

Кровію, слезами
Полишь шаръ земной,
Скрежетъ и терзанья
Лѣтомъ и зимой!

*
*
*

Куча въ мѣрѣ горя,
Море слезъ и бѣдъ;
Но благая Воля
Дастъ на все отвѣтъ:

*
*
*

«Много пережито,
«Много я страдалъ,
«Для спасенья міра
«Жизнь свою отдалъ.

*
*
*

«Будетъ въ жизни радость,
«Будетъ—подожди:
«Ты узнаешь сладость
«Въ жизни впереди.

*
*
*

Милостью, любовью
Красенъ жизни путь,
Есть гдѣ отъ печалей,
Есть гдѣ отдохнуть

*
*
*

Милостивъ Создатель:
Всѣмъ простить Онъ грѣхъ,
Въ Божьей благодати
Радости для всѣхъ.

Новый годъ.

1883.

Ташкентъ.

1883 г.

РАЗМЫШЛЕНЬЕ.

Я одинокъ въ цѣпи созданья,
Не знаю я отца и мать.
И тяжесть горя и страданья,
Я въ жизни только долженъ знать.

Зачѣмъ пустыя утѣшенья
Зачѣмъ ласкать себя мечтой?
Бѣ чему душевныя движенья
Съ своей превѣчной красотой!

Тяжелъ и жгучъ вѣнецъ терновый,
Подъ нимъ склоняется глава!
Гдѣ силы взять въ несчастьи новомъ
Скажи предвѣчный Іегова?

Пустая суетность, заботы,
Барышь, доходы и гроши
Меня не манять, и работы
Ищу я свѣтлой для души.

Усни же мѣръ скорбей, волненій
Печаль и горе отжена!...
Для лучшихъ свѣтлыхъ вдохновеній
Оставь съ природою меня.

И тихо, тихо тѣни ночи
Покрыли страждущихъ людей
Смежили плачущія очи
И дали новый мѣръ идей.

О! звѣздный мѣръ! О, мѣръ чудесный!
Ты не мани меня къ себѣ.
Ты мѣръ другой, ты мѣръ небесный
А мы—страдальцы на землѣ.

Звѣзда, звѣзда зачѣмъ мерцаешь,
Какая тайна въ вышинѣ?
Ты словно любишь и страдаешь
Какъ будто рвешься ты къ землѣ.

Зачѣмъ отъ вѣка и до вѣка
Всегда ты брежжешь въ вышинѣ,
Ты любишь мѣръ и человѣка,
Въ его грѣховной сторонѣ.

Земли несчастный обитатель
Давно ужъ рвется въ высоту
Чтобы познать какъ благъ Создатель,
Его любовь и красоту.

Наскучилъ мѣръ уединенья
Душа проснулась и кипитъ,
Какъ будто въ первый день творенья
Со всей вселенной говорить.

Я обниму васъ звѣзды міра,
Отдамъ всѣ радости мои
Воймя общаго кумира
Бога правды на земли.

Къ чему напрасныя сомнѣнья?
Природа шепчетъ мнѣ въ тиши:

«Есть связь великая въ твореньи
«Въ природѣ жизни и души!»

«Ты не одинъ, ты часть творенья,
«Ты лучший перлъ въ вѣнцѣ Творца
«Его ты мысль и вдохновенье
«Любимецъ вѣчный безъ конца».

Маргеланъ 1883 года.

1889 г.

ПРОВОДЫ № 1-й БАТАРЕИ.

I.

Туда, къ подножью горъ Карпатскихъ,
Васъ призываетъ чести гласъ,
Для объятій вровно-братскихъ
Съ червонной Русью. И отъ насъ
Вы ей скажите пожеланья:
Да прекратится тамъ страданья...
Молитвой къ Богу Русь сильна,
Въ бѣдѣ подниметь знамена...

Тамъ ждуть васъ подвиги и лавры,
Труды, лишенья тоже ждуть...
Но сыновья Урала храбры,
Въ бою охудки не дадутъ.
А мы, съ высотъ Уральскихъ горъ,
Вперимъ на васъ надежды взоръ,
Весь пылъ души, благословенье
Пошлемъ мы вамъ на утѣшенье...

Примите искреннее слово
Отъ сослуживца—земляка,
Да вашей доблестью и славой
Утѣшусь я издалека!..
Во имя Бога, въ путь вамъ время,
Легка съ молитвой трудъ и бремя..
А на прощанье вамъ пора
Сказать могучее ура!!!

Прочитано на обѣдѣ у Генерала Топорнина 10-го Октября 1889 года.

II.

Долго васъ въ краю родномъ,
Въ родной семьѣ ласкали,

И лишь просили объ одномъ:
Молись, учись; всѣхъ благъ желали.
Завѣты предковъ полюбя,
Вы незамѣтно воспитались,
И не жалѣть самихъ себя
Вы съ колыбели приучались.

Ученья, бранныя преданья,
Разказы старыхъ казаковъ,
Все пробуждало ожиданья
Все воспаляло вашу кровь.
И вы горѣли нетерпѣньемъ—
Увидѣть истину въ глаза
И ждали, ждали съ напряженьемъ
Какъ разгрохочется гроза.

«О, силы, силы молодця!
«Что дрябнуть вамъ въ глухомъ краю,—
«Впередъ! Какъ предки удалые
«Любили тѣшиться въ бою.
«Какъ зарокочетъ бой кровавый,
«Перекрестясь въ огонь иди,
«Да не смутитъ тебя лукавый,
«На вражью силу не гляди...»

Сбылись завѣтныя желанья
И долетѣли до Царя,
Какъ лучезарное сѣнье,—
Приказъ—желанная заря!...
Такъ съ Богомъ, съ Богомъ въ путь дорогу,
Къ порубежному порогу...
Желаю въ счастья путь начать.
Ура! позвольте прокричать.

Прочитано 12 Октября 1889 года на обѣдѣ у Наказнаго Атамана.

Въ заключеніе приводимъ наше стихотвореніе:

ПАМЯТИ

Никандра Константиновича Бухарина.

(† 29 іюня 1891 г.).

Смерть жертву новую взяла,
Похитивъ нашего собрата,
И эта тяжкая утрата
Мнѣ вспомнить прошлое дала:

Въ степныхъ походахъ съ казаками
Онъ подъ Ташкентомъ побывалъ

И смѣло пушки разставлялъ
Подъ Самаркандскими стѣнами.

Но смолкли грома Туркестана,
Окрѣпла Русь въ борьбѣ съ ордой,
И Бухара—звѣзда Ислама
Поникла гордою главой.

И, возвратясь къ своимъ пенатамъ
Герой остался тѣмъ, что былъ:
Онъ въ «войсковой избѣ» собратамъ
Всѣмъ правду-матку говорилъ.

Сметая съ хартій древнихъ пыль,
Вникалъ онъ въ лѣтопись сказаній
И нашихъ пращуровъ дѣяній
Повѣдалъ доблестную быль.

Я помню день... Гремѣло зало:
Онъ рѣчью вдохновлялъ сердца, ¹⁾
Но эта рѣчь уже звучала
Какъ пѣснь прощальная пѣвца.

Онъ говорилъ:

«Издревле Новгородъ Великій
«Сыновъ отважныхъ посылалъ
«И поясъ Каменный и дивій
«Набѣгъ Ушкунниковъ видалъ.
«Но грянулъ громъ державной воли,—
«Великій Новгородъ поникъ,
«И что искало лучшей доли
«Ушло на Каму и Янгъ.
«Сдалась Казань. Стамбулъ пылалъ
«Безсильной злобою и местию
«И всюду подкупомъ и лестью
«Врагамъ онъ нашимъ помогалъ.
«Но ужъ ватаги волгарей
«Противу недруговъ сбিরались
«И какъ орды на бой слетались
«Громить приволжскихъ дикарей.
«То было бурное движенье
«То былъ народныхъ волнъ прибой»,
«А впереди казакъ-герой,
«Народной силы воплощенье.
«За вѣковыя угнетенья
«Расплаты день съ Ордой насталъ:

¹⁾ Рѣчь была произнесена 23 апрѣля 1891 г. въ день войскового праздника.

Нами она переложена въ стихи. Замѣтимъ только, что войсковой старшина *Бухаринъ* свои главные положенія изложилъ въ докладѣ войсковому хозяйственному правленію. (См. предпис. войск. хозяйств. правленія 5 октября 1890 г. № 4993).

«Казакъ и Царь—одни стремленья,
 «Одна борьба за идеаль!
 «Заслышавъ, что идетъ «Нагой» ¹⁾
 «Готовить для башкиръ гостинець.
 «Голытьба вся стеклась толпой
 «И грозный строила «дѣтинець».
 «Когда жъ къ «дѣтициу» подступили
 «Тевкель царевичъ и Аблай,—²⁾
 «Ихъ въ плѣнъ казаки захватили,
 «Отбивъ Уфу отъ вражбихъ стай.
 «Царь грозный въ даръ тогда прислалъ
 «Имъ двѣ Московки золотья»,
 «Знамена эти дорогія—
 «Нашъ бранный славы идеаль.
 «Одна изъ нихъ Московка знамя
 «Дошла до насъ чрезъ триста лѣтъ,
 «И пусть любви горить въ насъ пламя
 «Къ Царю, какъ дѣдовскій завѣтъ!
 «Хвала вамъ, пращуръ съдые:
 «Исетъ, Самара и Уфа!
 «Хвала, ушкуйники Волхва—
 «Родоначальники лихія!...»

Съ тѣхъ поръ его неслышно стало,
 Замолкъ нашъ пламенный боець;
 Когда-жъ все Гостя поджидало—
 Его ужъ близился конецъ.

Болѣзнь свела его въ могилу
 Потухъ божественный огонь;
 И неизвѣданному міру
 Свои мечты повѣдалъ онъ.

Прости же доблестный герой!
 И передъ скромною могилой
 Прими меня съ печальной лирой
 И стихъ мой горести живой.

С. Н. Севастьяновъ.

Оренбургъ.

17 октября 1891 г.

¹⁾ По Царскому указу Ивана IV, бояринъ Нагой въ 1574 году заложилъ на р. Бѣлой, называемой прежде «Бѣлой-Волжской», оборонительное укрѣпленіе, называемое въ то время «дѣтицею».

Въ это время въ Закамскомъ краѣ было уже четыре стратегическихъ поста: Елабуга, Мензелинскъ, Бирскъ и Лаишевъ. (См. 300-лѣтіе Уфы. Гурвича). Этотъ «дѣтинець» преобразовался въ губернской городъ Уфу.

²⁾ Въ 1575 году. Сибирскіе царевичи Тевкель и Аблай съ войсками подступили къ Уфѣ. Вой происходилъ въ 15 вер. отъ Уфы, по сибирской дорогѣ близъ лѣса, именуемаго съ тѣхъ поръ «Аблаевскимъ» и продолжался 10 дней. (См. 300-лѣтіе Уфы. Соч. Гурвича). Казаки уфимскіе атаковали ихъ цѣлымъ полкомъ, захватили царевичей и отравили въ Москву.

Очерки прилинейной жизни Оренбургских казаковъ.

ХИВИНКА.

Широкая безпредѣльная Русь такъ пространна, такъ необъятна, что знать ее въ современномъ состояніи требуется не мало труда и работы, а чтобы знать обстоятельно ея историческое прошлое, со всеѣми ея окраинами, потребуется еще большій трудъ, не говоря уже о любознательности, безъ которой это знакомство немислимо. Чтобы облегчить читателю это знакомство, я осмѣлюсь предложить рядъ разсказовъ, изъ прошлаго, по одной изъ интереснѣйшихъ окраинъ Русскаго Царства, Оренбургской пограничной линіи, раскинувшейя по среднему теченію рѣки Урала, въ ея недалекомъ прошломъ.

Что же за особенность, или что за особая характерность и типичность этой линіи, спросить читатель, особенно тотъ любознатель, которому приходилось, быть можетъ, не разъ проѣхать-ся по ней, или даже жить въ этой крайнѣй? Да, читатель, въ наружномъ видѣ ничего, все тотъ же типъ русскихъ селеній, все тотъ же храмъ посреди села и тѣже убогія хаты по его крайнамъ, да есть и кое что иное, чего быть можетъ ты, читатель, не замѣтилъ. несясь на летучей тройкѣ и послѣшая въ часы вечерней прохлады, или въ думы погрузясь, встрѣтилъ утро, вдохновенья часъ....

Ты, читатель, быть можетъ не замѣтилъ и не обратилъ вниманія, когда, выѣзжая изъ поселка ямщикъ съ чего-то прикрикнулъ на лошадей—э, вы, родные, съ Богомъ!.. въ это время онъ переваливалъ старинный крѣпостной валъ, которымъ было окружено это селеніе еще въ 30 годахъ этого столѣтія и за рубежомъ котораго творились невѣроятныя, для нашего времени, событія и обстоятельства.

Да, всѣ линейныя села были окружены валомъ, въ угловыхъ бастіонахъ которыхъ стояли пушки; ворота были заграждены рогатками и шлагбаумами и охраняемы караулами, а по окрестнымъ высотамъ стояли пикеты и маяки, изъ конной стражи.

Недалѣе какъ лѣтъ 50 тому назадъ, въ этихъ замкнутыхъ

крѣпостяхъ—селеніяхъ, видѣлся всюду вооруженный людъ: солдаты, казаки, караулы, цѣпи, и слышался повелительный голосъ коменданта, команды, трубы, барабаны; даже бабы, отправлявшіяся за водой, шли не иначе какъ подѣ вооруженной охраной.

Вотъ къ этой то эпохѣ и относится мои скромные рассказы, взятые изъ дѣйствительной жизни и переданные мнѣ или самими очевидцами и дѣятелями, или со словъ ихъ, почтенными старожилыми, юными въ то время и почтенными старцами теперь, старцами, которые вчистую и не помнятъ сколько именно имъ лѣтъ, опредѣляя прожитое время десятками лѣтъ 70—80, или съ прибавленіемъ: «надобы полагать что есть 80—90 и болѣе».

Я давно уже знакомъ съ этимъ краемъ по службѣ и, проѣзжая много разъ всегда бесѣдовалъ со стариками и бывалыми казаками; ихъ рассказы распалили мою любознательность, и я глубоко сожалью, что эти рассказы не записалъ тогда же; теперь многихъ изъ тѣхъ казаковъ—старожилъ нѣтъ уже въ живыхъ, а съ ними умерли и преданья старины.

Лѣтомъ 1888 года я имѣлъ возможность, хотя отчасти исправить прежную свою ошибку и освѣжить воспоминанія. Проѣзжая, я спрашивалъ о старинѣ, о происхожденіи названій разныхъ урочищъ, прозвищъ и даже фамилій. Слушая рассказы о краѣ и окрестныхъ странахъ, особенно Средне-Азіатскихъ: Бухарѣ, Коканѣ, и Хивѣ, я услышалъ случайно и о Хивинкѣ.

Но мнѣ хотѣлось самому ее видѣть и отъ самой слышать всю исторію ея трагическихъ приключеній. Случай къ этому представился и я, пріѣхавши въ Березовскій поселокъ, *) пригласилъ къ себѣ «Хивинку».

Хивинкой оказалась никто иная, какъ Агулина Григорьевна Степанова, обывательница Березовскаго поселка, старушка 78 лѣтъ, еще достаточно бодрая для своихъ лѣтъ, не потерявшая зрѣніе и только нѣсколько туга на ухо.

Агулина Григорьевна была такъ добра, что не отказалась пожаловать ко мнѣ и рассказать съ замѣчательною послѣдовательностью исторію ея приключеній и охотно отвѣчала на мои вопросы.

«Скажи мнѣ, Агулина Григорьевна, почему тебя называютъ «Хивинкой» и какъ ты попала въ Хиву? говорю ей.— «Давно, очень давно это было, такъ начала она свой рассказъ, да вотъ какъ давно было, теперь ужъ 47 лѣтъ какъ я вышла изъ Хи-

*) Орскаго уѣзда, Таналякской станицы.

инскаго плѣна, да тамъ шесть лѣтъ прожила, oprичь того, что въ киргизахъ была тоже въ неволѣ; такъ и суди, родной, когда это было? Да, ты начто это спрашиваешь, вѣдь, все это ужъ давно было—и прошло и ни на комъ я не ищу моихъ обидъ, не о томъ ужъ думать теперь мнѣ старухѣ, да многое ужъ и пере-забыла, стара стала, слышу плохо, легко сказать, при моемъ терзаніи, восьмой десятокъ доживаю, пора бы и костямъ на мѣсто?

Нѣтъ, дорогая, Ажулина Григорьевна, поживи, поживи на радость другимъ и въ поученіе молодаго поколѣнія, вотъ для этого-то я тебя и спрашиваю чтобъ тебя въ примѣръ другимъ поставить.

«Такъ вотъ, продолжала она, какъ я тебѣ сказывала, лѣтъ 50-ть съ залишкомъ, (1833—1835 г.); жили мы съ мужемъ моимъ, Иваномъ Ивановичемъ Степановымъ, въ этомъ же самомъ Березовскомъ поселкѣ. Поселокъ-то теперь вемудраціи и плохой, кругомъ и всюду одни скалы, да камни, угодій, почитай, никакихъ, а въ тѣ поры жизнь въ Березовскомъ была еще тошнѣе. На лѣвомъ берегу Урала жили киргизы, тамъ въ горахъ и лѣсахъ были ихъ кочевки и логовища, тамъ они и укрывались, да изъ за горъ и кустовъ или изъ подъ каменій и щелей и высматривали нѣтъ-ли какой добычи.

Порядки въ тѣ поры въ крѣпостяхъ и отрядахъ по линіи были тяжелые; начальство строгое, безъ приказа изъ крѣпостныхъ оградъ и изгородей никого не выпускали. Выйдешь бывало на Уралъ съ ведрами за водой, да творишь молитву и оглядываешься во всѣ стороны. Того и гляди съ того берега киргизинъ хватить не пулей, такъ стрѣлой, или изъ праща камнемъ.

Опасно-то оно, опасно было, но мы ужъ свыклись съ опасностями, а хлѣбъ добывать себѣ всетаки надо. Казаки были лихачи, народъ смѣлый, отважный, сказать правду—народъ былъ отчаянный.

Вотъ, въ самый покосъ того года, мы и отправься съ мужемъ на киргизскую сторону косить, у нихъ луга загляднѣе, у насъ одни сѣрыя скалы, да камни. Отработавшись на покосѣ, мы сѣли съ нимъ верхомъ на одну лошадь и отправились домой, безъ всякаго оружія, чего съ нами прежде никогда небыло, все что нибудь на случай бывало захватишь; ну значить, отъ судьбы ужъ не уйдешь; спустились къ Уралу и стали черезъ него переправляться; тогда брода были и рѣдки и глубоки.

Только въѣхали въ самое глубокое и опасное мѣсто, ви-

димъ къ намъ ѣдутъ три киргиза всѣ вооруженные. Я была въ ту пору беременна. Одинъ изъ киргизъ подѣхалъ и хотѣлъ проколоть меня пикой въ животъ. Мужъ закричалъ ему по киргизски, чтобы онъ не дотрогивался до меня.

Спасенія ждаты было не отъ бога, оружія нѣтъ, насъ двое на одной лошади, остановившейся въ глубокомъ мѣстѣ въ водѣ, ихъ трое, съ оружіемъ на бойкихъ коняхъ... Киргизы окружили насъ, одинъ взялъ нашу лошадь подъ уздцы, завернулъ обратно на лѣвый берегъ, двое ѣдутъ по бокамъ, поднялись на берегъ и поскакали въ горы.... Прощай свободушка, прощай родная жизнь!

Ускакавъ отъ берега въ укромное и безопасное мѣсто, киргизы остановились и приступили къ дѣлежу: съ меня сняли рѣшительно все: серьги, нѣсколько нитогъ бусъ и бисеру, платки, платье, башмаки и чулки, даже рубашку и крестъ; я осталась совершенно нагая и такъ скакали мы все дальше и дальше, черезъ овраги, лѣса и горы. Мужа, киргизы везли поочередно, скрутивъ ему руки назадъ, а меня нагую то, да беременную привязали волосяными арканами къ нашей лошади; подо мной одинъ худенькій, дырявый зипуншко, что былъ съ нами на покосѣ и больше ничего. Боже мой! какъ волосяныя то веревки рѣзали, терли и жгли мои члены, мою наготу. Растрясеть, разболтаеть тебя всю, до крови, до ранъ, разѣсть веревками тѣло, на раны и ожоги насыдетъ оводъ, мухи, комары и терзають тебя, а они, киргизы то, подтянуть арканы да дальше, да дальше. Однажды подъ вечеръ, ужъ солнышко закатилось, слышимъ трубный гласъ, явственно раздаются русскіе сигналы. Живя постоянно съ войсками въ отрядахъ и крѣпостяхъ, мы всѣ привыкли къ сигналамъ, ихъ знали и бабы и ребята.

Слышимъ отчетливо за сосѣднею горою играютъ сборъ. Забилося сердечушко въ ожиданіи, ну, слава Богу, погоня, знать за нами, буди милостивъ Господи наведи ихъ на насъ, думаю про себя, а въ груди такъ и стучаеть.

Киргизы повернули въ сосѣдній оврагъ съ кустами, завезли туда и насъ и запрятались въ самую гущу чащи, лошадямъ обмотали морды арканами, чтобъ они не ржали и насторожились. Сидимъ мы ни живы, ни мертвы, между смертью и спасеньемъ, а киргизы вынули клычи (шашки) и поясные ножи, наставили на насъ пикн и знаками показываютъ, что если мы только пикнемъ, смерть наша будетъ.

Такъ пролежали мы до ночи, пока все не стихло. Сигналы смолкли, разѣзды не показывались. Ночью мы двинулись дальше, съ особенными предосторожностями. Тутъ еще несноснѣе и

тяжелѣе стало. На одной изъ остановокъ мужъ мнѣ объяснилъ, что слышанные нами сигналы раздавались изъ партіи, съ которой ходили землемѣры, осматривавшіе мѣста подь новую линію.

Съ этихъ поръ хищники не позволяли намъ говорить. Выбѣшесь изъ силъ, а несмѣй пикнуть, машуть и тычуть нагайками, а то пикой да шашкой грозятъ. Силушки, моченьки нѣтъ. внутри горить, губы запеклись, голову кружить и обносить, руки и ноги отекутъ, свѣту нѣтъ въ глазахъ, а ни пить, ни ѣсть не даютъ. По ночамъ холодъ, лихоманка бьетъ, зубъ на зубъ не понадесть.... Радъ—радешенежъ, какъ остановятся кормить лошадей. хоть немного полежишь, отдохнешь на землѣ. Поведуть поить лошадей и тебя столкнуть къ водѣ. Съ ними были турсуки, въ которыхъ былъ крутъ, разведенный водой, такъ немного, въ день по глотку, и давали намъ; такъ ѣхали мы семь дней и семь ночей, пока не довели насъ до ауловъ на р. Тоболѣ. Тутъ разлучили насъ съ мужемъ: онъ попалъ въ одинъ аулъ, а я въ другой. Охъ какъ тяжело было! Что только не переиспыталось, что только не передумалось въ долгіе дни и бессонныя ночи.

Мужъ иногда видѣлся со мною, онъ насъ лошадей, хорошо говорилъ по киргизски; смѣтливый и расторопный отъ природы, онъ скоро вошелъ въ ихъ довѣріе. Я ходила за овцами и козами. Придетъ бывало Иванъ и утѣшаетъ меня: «береги ты, говоритъ, себя и ребенка, авось, Богъ милостивъ будетъ!»

Поплачемъ, поплачемъ бывало да и разстанемся. Я боялась ему рассказывать, какъ по пріѣздѣ въ аулъ обращались со мной, боялась что это озлобитъ, ожесточитъ его и онъ тайно или явно какъ бы не сталъ мстить киргизамъ нашего аула, но потомъ, послѣ родовъ, сожалѣла, что не сказала...»

—Что-же, Акулина Григорьевна, они съ тобой дѣлали? «Рассказывать, родной срамно, особенно мнѣ старухѣ, вотъ что они, поганые дѣлали! Наругались и позорили всячески нагую, беззащитную женщину, кто только хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Обступятъ меня толпой, сбросятъ съ плечъ зипунишко, вынутъ поясные ножи, пригрозятъ да и осматриваютъ какъ сѣягную овечку, кто и какъ хочетъ, а я стою да плачу. Наругаются, натѣшутся въ волю потомъ плевать и пинать тебя стануть. За мушчинами, какъ волчицы ярыя, бросятся на тебя киргизки съ ребятами, тѣ тебя позорятъ и пинаютъ. Только и отдохнешь когда находишься у козъ, да барановъ.

Въ Сентябрьѣ я родила; но тутъ, батюшка ты мой, у меня не хватитъ силъ рассказывать про все, что я только, грѣшная,

вытерѣла и вынесла». Старушка дѣйствительно не вытерѣла, заплакала и потянула одинъ конецъ своего головнаго платка къ глазамъ. Всѣ присутствовавшіе въ комнатѣ были глубоко взволнованы, воцарилась глубокая тишина.

Успокойся, Акулина Григорьевна, успокойся, обожди, поговоримъ о чемъ нибудь другомъ, понимаю какъ тяжело тебѣ, вспоминаячи это время, вотъ погоди, а я рѣчь поведу со стариками. Тутъ-то я и прекратилъ бесѣду со старушкою на нѣкоторое время

Настроеніе всѣхъ присутствующихъ было самое тягостное и удручающее, всѣ были подъ впечатлѣніемъ правдиво печальнаго разказа. Всѣ чувствовали, что это были только цвѣтки, а ягоды будутъ впереди.

Нѣсколько минутъ тянулся у насъ со стариками разговоръ о нынѣшнемъ урожаѣ, но выходило все какъ то не клѣйко и разговоръ какъ то самъ собой перерывался. Въ одну изъ такихъ паузъ, я внимательно посмотрѣлъ на старушку; она всколзь взглянула на меня, опустила руки на колѣни и продолжала.

— На родахъ, кажись, я остановилась?

— Со всѣхъ сторонъ слышалось подтвержденіе.

— Сказывала я, что въ Сентябрь это было?

— Сказывала, сказывала, подтвердили присутствующіе.

— Ну, вотъ, въ Сентябрь ужъ морозные утренники начались, а я все безъ рубахи была, все нагая, окромя дыряваго зипунишка на мнѣ, что называется ниточки не было.

Вотъ на свѣту-то я и родила въ дырявой кибитченкѣ; только одна слава, что кибитка, а на ней трепались только два кошенихъ лоскута; холоднымъ вѣтромъ, такъ и ледянить, такъ и пронизываетъ насквозь.

Не успѣла я управиться съ родами, какъ слѣдуетъ, закружилась моя головушка, все зазеленѣло въ глазахъ, завертѣлось, обмерла и повалилась.

Сколько я была въ безпамятствѣ, что тутъ было, не знаю и по сю пору. Очнувшись, я почувствовала сильную боль въ животѣ, положила на него руки, да такъ и ахнула.

Неужели, думаю, я родила? Господи! Пресвятая Владычица! да гдѣ же ребенокъ-то?! Ощупала кругомъ мокро; Господи! не ужели его собака утащила?! Неужели они его разорвали? и опять пришла въ безпамятство.

Когда я опомнилась и оглянулась, то ужъ вечерѣло, табуны пригнали, киргизки убрали молоко. Какъ могла, знаками я имъ показала, что я родила и ищу ребенка; они

обступили меня, ругаются всячески по своему, плюют на меня...

Наругавшись досыта, ушли. Силы меня окончательно покидали. Вижу одна киргизка что-то волочить, приволокла къ кибиткѣ и швырнула за порогъ. Это былъ мой несчастный ребенокъ. Я бросилась къ нему; живъ, слава Богу, и не растерзанъ, и не искусанъ; но какъ былъ не обмытъ послѣ родовъ, такъ и обсохъ и завѣтрилъ; я промочила ему грудь ротикъ и глазки, покормила, пригрѣла у груди и, шатаясь, пошла искать воды, чтобы обмытъ его.

Холодной водой вымыла, а завернуть не вочто, ни тряпочки, ни лоскутика нѣтъ. Мокраго и прижала къ груди и прикрыла дырявымъ зипуномъ. Такъ родила я первенца дочь, отъ любимаго мною мужа, но столь же несчастнаго какъ и я. Старушка снова стала плакать и всхлиповать.

Угрюмо потупясь сидѣли ея современники 80-ти лѣтніе старики, видны были нервныя судорги въ ихъ лицахъ, видно было какъ и они боролись съ горе-точивою слезою, но не всё удержались, иные изъ нихъ плакали и восклицали о! Господи! Буди милостивъ намъ грѣшнымъ!

Отдавшись материнскому чувству, счастливая уже тѣмъ, что швырнули мнѣ моего ребенка, я не обратила должнаго вниманія на сестру, которая была въ аулѣ и на то, что въ сумерки, у моей кибитки положили верблюда въ чемѣ (сѣдло), съ прикрѣпленными къ нему корзинами, вродѣ люлекъ.

Съ вечера подъ котлами горѣли огни и доносился запахъ варенаго мяса. Господи! что это у нихъ еще за пиръ готовится, что это значить думала я? и что-то недоброе сжало мнѣ сердце... Полежавъ и отдохнувъ, пока спалъ ребенокъ, я приподнялась и хотѣла погрѣться у костра.

Едва, дойдя до крайняго котла и костра, я была замѣчена и прогнана; боялись, что опоганю котель.

Проведенный день, подорвалъ мои силы, я едва держалась на ногахъ, а голова стала снова кружиться; не помню, какъ я очутилась около верблюда и, прижавшись къ нему, немного согрѣлась.

Огни потухали, котлы уже были сняты, какъ подошла ко мнѣ киргизка, что приволокла ребенка, и швырнула мнѣ кость съ большимъ наростомъ мяса.

Я, съ жадностью собаки, глодала эту кость и отъ голоду и отъ сознанія, что у меня иначе не будетъ молока для малютки. Едва я управилась съ костью, какъ ко мнѣ подошли киргизъ съ киргизкой, усадили меня съ ребенкомъ въ кижабу (кор-

зина) киргизка сѣла въ другую, навьюченную на верблюда, киргизъ поднялъ верблюда, подвелъ къ вереницѣ другихъ, тоже навьюченныхъ верблюдовъ и привязалъ его за конецъ волосяной веревкою. Всю эту ночь, вплоть до разсвѣта, мы куда-то все ѣхали, но куда, мнѣ было неизвѣстно.

Оказалось, что я была продана новымъ хозяевамъ.

Я просила и у киргизъ и у киргизокъ, чтобъ они дали мнѣ, хотя влокъ джабаги (немытая верблюжья шерсть), которой у нихъ множество, чтобъ прикрыть младенца, или обрывокъ овчины, но они, немилосердые, не сжалились.

Сколько дней и куда мы ѣхали не помню, но когда стали на новыя мѣста, то холода начали усиливаться, пошли перепадать дожди и снѣгъ; приближалась зима, а на мнѣ все нѣтъ ничего, ничего нѣтъ и на младенцѣ.

Въ холодныя зимнія ночи я ложилась съ малюткою между овецъ: подобьешься бывало къ нимъ поближе, да поплотнѣе, ну и тепло и они, сердечныя рады, что съ ними человекъ, а то волки беспокоять.

Зимы тамъ очень снѣжныя, по аршину и больше накатаеть его въ ночь. Бывало подымешься по утру, а на зипунишкѣ поларшина и больше снѣгу, скотинку занесеть, почитай сравняетъ съ остальной землей, только концы мордочекъ съ «духалицами» (ноздрями) видны.

Такъ то я и маялась зимушку. Дивуюсь бывало, какъ это въ снѣгу-то Господь хранить насъ и младенецъ живъ и здоровъ?!. «Господи! Господи! надъ всѣмъ-то милость Твоя и надомной грѣшной!...»

Тихо струились слезы у старушки по глубокимъ морщинамъ ея лица. Это были слезы благодарности и умиленія.

Передъ нами сидѣла не рассказчица, а благодарная и молящаяся женщина, съ умиленною душою и сокрушеннымъ сердцемъ. Ея тихая, плавная рѣчь, не щемила душу, не содрогала нервы, не озлобляла противъ ея притѣснителей, а какъ бы подсказывала каждому: прости имъ Господи! не вѣсть что творять!.. — И, быть можетъ, нѣкоторые изъ присутствующихъ тутъ и сказали въ душѣ: да, несчастные, жалкіе, жалкіе изувѣры. Такъ кротость и милость покоряеть ожесточенныя сердца!...

Старушка набожно перекрестилась и какъ бы про себя заговорила: не простить мнѣ Господь и Владычица Пресвятая, не простить, окаянной грѣшницѣ: бывало положу малюточку въ кибиткѣ, а сама пойду камышь и хворостъ собирать или кизякъ изъ подъ снѣга вырывать и думаю про себя: если долго

захлопочусь, то можетъ статья незаревется ли она сердечная, до смертоньки, все меньше ей будетъ муки, чѣмъ теперь.

Долго бывало проходишь, не часишь, что жива, а она сердечная, живехонька, только пѣна у ротика, да посинѣть и дрожить.

Не замолить мнѣ грѣшной передъ Господомъ такого помышленья и грѣха!.. погрѣю у груди, покормлю, смотришь, отойдетъ. Такъ я билась и маялась до Рождества. Послѣ Рождества меня продали и повезли въ Хиву.

Ребенокъ былъ со мной, а мужъ Иванъ остался еще въ старомъ аулѣ, на Тоболѣ.

Теперь мнѣ осиротѣлой грѣшницѣ, ужъ не на кого и не начто было надѣяться. Поплачу бывало тихонько дорогой, если близко никого нѣтъ, обернусь въ родимую сторонушку, прошепчу молитву, поклонюсь своей сторожѣ и крѣпко прижму младенца, а при людяхъ и этого нельзя было сдѣлать, киргизы, особенно киргизки били меня за слезы.

Не даромъ поговорка-то взялась: бьютъ и плакать не даютъ!..

Какими мѣстами мы шли, — теперь ужъ не упомнить, только все больше песками, отъ колодца къ колодцу. Ну и пески-же тамъ — точно наши горы Уральскіе — высочайшіе, гдѣ голые сыпучіе, гдѣ поросли саксауломъ и колючимъ кустарникомъ.

Вода въ колодцахъ или горькая, или соленая, не то что человѣку, скотинушка-то изъ нужды только пьетъ. Киргизы пили эту воду съ крутомъ, ну съ нимъ ничего, соль и горечь пропадаютъ, вода дѣлается кисловатой, будто съ простоквашей.

Вотъ такъ-то мы шли и кой гдѣ на хорошихъ мѣстахъ кочевали и отдыхали. Чѣмъ ближе мы подвигались къ Хивѣ, тѣмъ ласковѣе и добрѣе ко мнѣ становились киргизы. Я ѣхала на верблюдѣ не то въ корзинѣ, не то въ люлкѣ, которая не много покачивалась и не такъ меня разламывала въ дорогѣ, когда мы тронулись съ Тобола.

Пищи стали тоже больше давать. Вскорѣ и теплѣе стало, начиналась уже весна, стала пробиваться травка, полетѣла птица въ нашу сторону. Господи! какъ завидовала я ей — этой вольной птицѣ! Что ей?! Вздумала и полетѣла, не то что плѣнная раба. Увижу гусей или журавлей и промежъ себя съ ними и разговариваю и прошу ихъ сказать роднымъ про участь мою горькую...

Въ самое Сборное Воскресенье, мы прибыли въ Хиву и остановились на базарѣ, гдѣ продаютъ рабовъ и невольницъ,

туть и меня выставили на показъ, нагую, не позволили и зипунишечкомъ прикрыть стыдъ и наготу свою.

На невольничьемъ базарѣ въ Хивѣ много, въ тѣ поры, приводили людей на продажу. И какого — какого туть только народу не было; и наши русскіе мушны, женщины, подростки, лѣтъ 12—14 были, и дѣти, и всякихъ странъ люди, а больше, сказывали, Кизиль-Баши (Персіяне).

Туть, миѣ грѣшной, стыда и посрамленія было еще больше, чѣмъ въ аулѣ. Подходятъ, осматриваютъ, каждую косточку, всякую мышцу ощупываютъ, смотрятъ нѣтъ-ли излома, вывиха, порока какого или какой болѣзни; смотритъ, смотритъ другой лиходѣй, да тѣло-то армячиной и потретъ. Потомъ уже, какъ я пожила въ Хивѣ, узнала почему они это дѣлаютъ. Есть такая болѣзнь въ тѣхъ странахъ, что кожа сохнетъ и дѣлается бѣлой, какъ писчая бумага, съ такой проказой ужъ не берутъ.

Многіе меня приторговывали и дѣло почитай слаживалось, какъ приходить полицейскій и отдалъ приказаніе всѣмъ хозяевамъ, чтобы у кого есть русскіе люди, всѣхъ вели къ хану во дворець.

Повели и меня. Туть языкъ отказывается говорить, что только было. Не дай Господи, никому испытать это, лучше бы сквозь землю провалиться.

Вели насъ больше базарными площадями, да торговыми улицами. Народу что въ муравейникѣ муравьевъ, а по улицамъ съ обоихъ сторонъ, стѣна стѣной и съ крышь-то смотрятъ и кричатъ: урусъ кафиръ! Ужъ что говорить объ ругани и плевкахъ, грязью, сухими комьями глины, гальками такъ въ тебя и швыряютъ. Того и гляди не тебя, такъ ребенка зашибуть, а пхняя полиція ничего подѣлать не можетъ. Нѣтъ-то нѣтъ добрались мы до воротъ ханскаго дворца, туть караулъ съ ружьями, насъ остановили.

Оглядѣлась я вокругъ и сердце во миѣ замерло: поодаль на площади висѣлицы стоятъ, а на нихъ повѣшанные покачиваются на веревкахъ. Охъ! страшно, страшно стало... Вотъ, моль, и моя участь такая же будетъ, а малюточку-то, ее бѣдную куда?!.. и я крѣпко, крѣпко прижала ее къ себѣ...

Гайда, гайда! и толкнули меня къ калиткѣ. Туть мы попали на большой дворъ и все изъ двора во дворъ проходили. Невдолгъ, вышелъ ханъ, всѣ земно ему поклонились. Когда велѣно было встать миѣ, онъ оглядѣлъ меня, покосился на киргизъ и отдалъ приказаніе тотчасъ же одѣть меня и зачислить къ нему на кухню.

Тутъ денекъ другой я поотдохнула, стала было кой къ чему присматриваться, какъ вдругъ, объявляютъ мнѣ, что меня требуетъ старшая султанша (старшая придворная дама, какъ они ее величаютъ). Ее окружаютъ служанки, мнѣ велѣли присѣсть на колѣни. Тогда султанша объявляетъ мнѣ что я должна перейти въ ихъ вѣру.

Одна изъ служанокъ подставила мнѣ къ горлу ножинъ. «Ну сказала султанша, бросай свою вѣру, или умрешь подъ ножомъ.»

Жизнь моя и такъ хуже смерти, прикажи покончить меня, а вѣры своей не перемѣню, отвѣтила я. И такъ этотъ опросъ продолжался до трехъ разъ.

Ужъ особенно упорно приставали ко мнѣ передъ третьимъ разомъ и не однократно проводили ножемъ по горлу, но милосердый Господь укрѣпилъ мои силы и далъ мнѣ твердость преобороть страхъ.

Не спрашивайте, говорю, а рѣжьте и подняла голову вверхъ, Господи! сказала я себѣ мысленно, прими мою грѣшную душу!

Послѣ третьяго отказа, меня съ ругательствами и тычками отвели на скотный дворъ и въ этотъ день не давали ѣсть. Вечеромъ пригнали коровъ и заставили меня доить и смотрѣть за ними. Ночь я провела въ молитвѣ, прося пречистую Владычицу укрѣпить меня и покрыть кровомъ своимъ мою малюточку.

Утромъ, когда подоила я коровъ и слила молоко въ одинъ казанъ (котель) заставили меня варить его до густой пѣнки. Одна изъ ханскихъ прислужницъ наблюдала за мной.

Принесли огромную лепешку, такой величины, что ей можно было закрыть какъ крышкой большой котель, въ которомъ варилось молоко, отъ 15-ти коровъ. Когда пѣнка на молокѣ уже окрѣпла и сдѣлалась толстою, прислужница ловко ее сдернула ложкою, всю цѣликомъ, нигдѣ не разорвавъ и покрыла ее огромною лепешкою, какъ точно платкомъ, либо скатеркою.

— Вотъ видѣла ты, какъ это дѣлается?

— Видѣла, говорю,

Такъ ты должна будешь дѣлать каждое утро и относить къ свѣтлому Хану, на завтракъ. Да, смотри, чтобъ пѣнка всегда была цѣльная, тогда только и голова твоя цѣла будетъ.

И трудно жъ было сначала мнѣ привыкать ко всему: ахъ, какъ трудно. Все то не по нашему, все то ни чуточки не похоже, и, такъ все диковинно, да чудно казалось.

Въ жизнь свою не только что на яву, а и во снѣ ничего подобнаго не видывала. И дома-то, и крыши-то на нихъ все не

по нашему, а про обиходъ и обнаковенье ихъ и говорить нечего. Въ садахъ-то лѣса и деревья все тоже не наши; сколь не гляди, а ни сосенки, ни березоньки не увидишь; все больше тополь, да тутовникъ, листвою котораго шелковичнаго червя кормятъ. Фрукты всякіе, какихъ у насъ нѣтъ, цвѣты разные въ садахъ и все не наши.

И вода-то у нихъ бѣжитъ не по нашему, не въ руслѣ, какъ Богъ ее сподобилъ, въ нашихъ мѣстахъ течъ, а вся идетъ по самодѣльнымъ канавкамъ, и хитро же и диковинно! Птица-то и та не нашенская, ужъ голубъ, на чтобы кажется домовитая и Божья птичка, Духъ Божій въ себѣ воплощаетъ, а и она тамъ совѣмъ иная; ихній-то голубъ и видомъ-то не такой и воркуеть инако.

— Отчего же это Акулина Григорьевна, у хивинцевъ все иначе, даже голубъ и тотъ тамъ другой видъ принялъ?

— Да, какъ же нашему-то голубю и быть тамъ, развѣ хивинцы выходятъ на Иорданъ, развѣ крещенье они справляютъ, развѣ къ нимъ Духъ Святой въ видѣ голубины является? Какъ же послѣ того нашъ-то голубъ полетитъ къ нимъ и будетъ жить у нихъ въ нехристіанской странѣ? Не подобаеть ему тамъ быть.

— Ну, а люди то каковы тамъ, самъ то ханъ каковъ?

Ханъ-Султанъ у нихъ, тоже что царь у насъ и хоть царь и басурманскій, а какъ взглянешь на него, то сразу поймешь, что это не простой человекъ, а царь: изъ себя добрый, осанистый такой, а глазами такъ и прострѣливаетъ тебя, на сквозь тебя видитъ, сразу пойметъ что въ тебѣ есть.

— Не помнишь-ли какъ звали хана, у котораго ты жила?

Какъ не помнить, — Маораймъ ханомъ звали ¹⁾. Очень хорошо его знаю, каждое утро на поклонъ къ нему приходила, съ пѣнкой и лепешкой; я вѣдь у него и кухней и скотнымъ дворомъ заправляла; какъ ко всему привыкла, да приспособилась, почитай все хозяйство на моихъ рукахъ было.

— Акулина Григорьевна! Не откажись, сдѣлай милость, расскажи, какъ это тебѣ Богъ пособилъ такъ устроиться и войти въ такое довѣріе, чай тамъ и своей дворни много было?

«Сподобилъ Многомилостивый, знать не время мнѣ было умирать еще. Я ужъ сказывала, какъ на скотный дворъ отвели меня, препоручили коровъ доить и молоко варить.

¹⁾ Въ 1804—1826 гг. былъ Ханомъ Мугаметъ-Рахимъ, а въ 1826—1841 гг. Аллахъ-Кули-Ханъ, при которомъ была Хивинская Экспедиція В. А. Перовскаго въ 1839—40 году зимою. Разсказъ «Хивинка» относится къ 1833—1841 гг.

— Сказывала, отозвались мы, на этомъ почитай и остановились.

Препоручили мнѣ пятнадцать дойныхъ коровъ, дѣло не шуточное, есть за чѣмъ пообиходиться, да на кухнѣ стали учить, какъ ихнія и ханскія лепешки печь, да какъ какую кашу рисовую варить, особенно тѣ, которыя самъ ханъ любилъ и старшая ханша-султанша. Нужда подъ ножомъ и уму и проворству научить; такъ и со мной было.

Почитай весь день и всю ночиньку протужила надъ тѣмъ, какъ я завтра сниму цѣльную пѣнку и представлю на свѣтлые очи хана.

Дою коровъ, а руки дрожать; кипячу молоко, вотъ и пѣнка готова, а сердце такъ и обрывается...

А потомъ думаю, все равно ужъ голову то на плаху класть. Взяла большую поварешку, призвала Имя Господне, прижмурилась, хватъ и положила, а сама отскочила въ сторону, ни жива ни мертва, стѣны такъ кругомъ меня и ходять. Отдохнула, подхожу и глазамъ своимъ не вѣрю — пѣнка цѣлехонька, только одинъ край немного свѣсился. Тутъ отлегло у меня на сердцѣ; цѣла-то цѣла пѣнка, думаю, да какъ ее подать-то, приметъ ли еще самъ ханъ, а какъ разгнѣвается?!... Ни жива, ни мертва пошла къ хану, нарядившись въ хорошую шелговую одежду.

Вхожу, онъ важно сидитъ поджавши ноги, передъ нимъ низенькій столикъ и о чемъ-то глубоко думаетъ. Стою у дверей и кланяюсь, а онъ не замѣчаетъ меня, я опять кланяюсь; наклонилась еще, да такъ и стою и смотрю изъ подлобья на него, а лепешку съ пѣнкой на кругломъ огромномъ подносѣ, въ обѣихъ рукахъ держу.

Вотъ онъ поправилъ бородку, пощелкалъ пальцами по усамъ и бросилъ быстрый взглядъ на двери; я чисто обмерла; какъ согнувшись была, такъ и осталась. Онъ откинулъ голову назадъ и такъ ласково, ласково улыбнулся и тихонько махнулъ къ себѣ рукою; я иду, да кланяюсь, подошла и поставила подносъ на столикъ, опять кланяюсь да взадъ пятеи ухожу, онъ взглянулъ на пѣнку, не то усмѣхнулся, не то улыбнулся, а глаза то у него все мѣняются, — то ласковы сдѣлаются, то грозные.

На утро таже исторія, только я то ужъ была посмѣлѣе. Управившись, сижу это я, да и думаю, какъ это я дальше то буду жить? Не страшна работа, — страшны враги да доносы, а я одна, защиты нѣтъ ни у кого, все на меня волгами смотрятъ.

Думаю это я, а тутъ, смотрю ханскій посланецъ бѣжить

ко мнѣ; отъ испугу я индо ахнула, ну, быть бѣдѣ надъ моей головушкой! Входить посланный и говорить: ханъ хочетъ выскать тебя милостями, онъ выдастъ тебя замужъ за такого же русскаго, какъ ты, не оставитъ своими высокими милостями, будешь ты съ своимъ мужемъ жить по своей вѣрѣ, дадутъ вамъ домъ съ землей и садомъ, только служите вѣрно службу ему, каждый по своей обязанности, если вѣрно станете служить ему, то впоследствии онъ дастъ вамъ полную свободу и, если захочете, то вернетесь и на родину а если, что помыслите иное, то не видать ни тебѣ, ни ему завтрашней зори.

Дай отвѣтъ своему властелину и свѣтлому хану.

Отъ такихъ рѣчей меня точно варомъ обдало, какъ тутъ быть, что стану дѣлать, кто ума-разума придастъ?! Всплакала я, беспомощная, да и говорю: какъ же милостивый ханъ хочетъ чтобъ мы по своей вѣрѣ жили, а я отъ живаго мужа пойду за другаго, этого, по нашей вѣрѣ, нельзя, вѣдь у меня есть мужъ, въ плѣну у киргизъ, на Тоболѣ остался?! По нашей вѣрѣ такъ дѣлать нельзя, ханъ можетъ быть такого нашего закона и не знаетъ. Ушолъ посланный, а я чисто обезпамятовала. Господи! взмолилась я, буди милостивъ мнѣ грѣшной, прими ты душеньку мою.

Сижу это я въ тоскѣ кручинѣ, а тутъ словно выросла передомной служанка отъ самой султанши.

Батюшки! еще новая бѣда грозить. Ты что убиваешься? говорить она, не плачь, тебя султанша требуетъ. Пресвятая Владычица! опять меня подъ ножъ поставятъ. Подкосились мои ножиньки, обомлѣла я совѣмъ. Вотъ ужъ подлинно сбылось надомной: коль придетъ бѣда — отворяй ворота!...

Дѣло мое подневольное, не своя воля, хоть и подъ ножъ, а пойдешь. Иду и думаю, ну близка моя смертонька.

Прихожу, а у самой всѣ поджилки ходенемъ ходятъ. Султанша вышла ласковой такой, присѣсть велѣла и съ такой добротой смотритъ на меня. — Мы, говорить, всѣ и ханъ и я очень любимъ русскихъ; у хана много ихъ на службѣ и всѣ при хорошихъ мѣстахъ и въ почетѣ живутъ. Вотъ и тебя ханъ желаетъ пристроить за хорошаго человѣка, котораго онъ самъ лично знаетъ, будешь жить въ довольствѣ и почетѣ, онъ будетъ свою службу править при ханѣ, а ты свою при мнѣ. Мы говорить, довѣряемъ русскимъ, народъ вы честный и твердый, всякому мастерству научены, а намъ такіе люди нужны. Въ смуты и заговоры вы не входите, ересей не заводите и мы позволяемъ вамъ жить по своему закону, такъ и ты будешь жить

со своимъ мужемъ; теперь скажи мнѣ согласна или нѣтъ?

— Я вѣдь, замужняя женщина, у меня мужъ живой остался въ киргизскомъ плѣну на Тоболѣ, а по нашему закону отъ живаго мужа за другаго выходить нельзя, если не дана разводная, сказала я султаншѣ.

— Никому неизвѣстно, кромѣ Бога, живъ-ли онъ теперь или нѣтъ, тамъ по Тоболу и дальше Орда непокойная: постоянно они воюють между собою, барантуютъ, грабятъ другъ-друга и потому сказать, гдѣ твой мужъ и живъ ли онъ, никто не можетъ. Затѣмъ, ты говоришь про разводъ, разводъ есть и въ нашемъ законѣ, да, кажись и во всѣхъ законахъ. Помолчавъ не много, султанша продолжала: на это я тебѣ скажу еще вотъ что, слушай: плѣнь и неволя васъ развели, вотъ твоя и разводная, понимаешь? Здѣсь земля не ваша, не вашъ и законъ; здѣсь ты будешь за мужемъ, а если заслужишь свободу и уйдешь въ свою сторону, тамъ опять живи по своимъ законамъ и если найдешь своего прежняго мужа, живи опять съ нимъ.

— Что ты мнѣ на это скажешь, справедливо или нѣтъ, я говорю?

— Какъ же я пойду замужъ, кагда у меня дочь отъ прежняго мужа?

— При всякомъ разводѣ грудныя дѣти остаются при матери. Вотъ, если бы твой будущій мужъ не бралъ тебя съ дочерью, ну это такъ, а если онъ беретъ, то въ чемъ же тутъ вина твоя? А жить тебѣ въ нашей странѣ безъ мужа не пристойно, тогда мы продадимъ тебя Туркменамъ, и тогда не видать тебѣ бѣлаго свѣта, отвѣчай согласна или нѣтъ? Если согласна, то чрезъ день будетъ ваша свадьба, а если нѣтъ, то завтра утромъ опять отведутъ тебя на базаръ.

Султанша поднялась.

Свѣтъ помутился въ глазахъ моихъ, головушка кружилась....

— Я рабыня ваша, дѣлайте такъ, какъ угодно Хану, я повинусь.

— Разумно разсудила ты, сказала султанша. Туркмень купившій тебя и безъ твоей воли, былъ бы твоимъ мужемъ.

Чрезъ недѣлю послѣ моего пребыванія при ханскомъ дворѣ, я вышла замужъ за Магара Максимыча, за того самаго, за котораго хотѣлъ меня выдать ханъ.

Магаръ Максимычъ былъ барскій человѣкъ, изъ внутреннихъ губерній Россіи, но какъ прозывались его господа, теперь не помню. Захваченъ онъ былъ въ Астраханской губерніи, обманомъ или инымъ путемъ, хорошенько сказать не умѣю, но

только онъ былъ крайне недоволенъ своими господами, не хвалилъ тамошнее холопское житье, не любилъ даже вспоминать про нихъ, ничего не тянуло его въ свою сторону и надо полагать онъ не желалъ возвращаться туда.

Былъ ли онъ вполне доволенъ своею жизнію въ Хивѣ, этого онъ никогда не высказывалъ, но всегда былъ бодръ, заботливъ по службѣ и былъ въ числѣ ханскихъ любимцевъ.

При ханѣ онъ завѣдывалъ пушками, зналъ хорошо свое дѣло и вмѣстѣ съ ханомъ сдѣлалъ нѣсколько походовъ, за это его ханъ и любилъ и осыпалъ своими милостями; ему дана была земля съ садомъ и домомъ, за крѣпостью, и полагалось жалованье.

Съ замужествомъ жизнь моя измѣнилась. Точно въ сказкѣ или во снѣ мнѣ представлялось все то, что я видала на яву.

Такого довольства, такого избытка во всемъ я еще не видывала никогда. Бывало только подумаешь: вотъ, хорошо бы это завести, а тутъ ровно въ сказкѣ, на другой день ханъ присылаетъ. Дивуешься, спрашиваешь, «Макаръ Максимычъ, какъ это ханъ думы мои угадываетъ?» Онъ только улыбнется, «значить думаетъ объ насъ, вотъ и угадываетъ».

Иногда Макаръ Максимычъ и расскажетъ, почему это ханъ угадываетъ его и мои мысли. Ханъ любилъ часто бывать на пушечномъ дворѣ и самъ до всего доходилъ, все бывало пересмотреть и если останется доволенъ, то подойдетъ къ мужу, потреплетъ его по плечу, да и спроситъ: «Ну, что, Макаръ, все ли у тебя есть, не надо ли чего тебѣ или молодой женѣ».

Не успѣтъ, Макаръ Максимычъ домой вернуться какъ, смотришь, на носилкахъ цѣлыя тюки несутъ разныхъ-то разностей, тутъ и парчевыя и бархатныя попоны и сѣдла, залитыя серебромъ, золотомъ и самоцвѣтными камнями и дорогіе халаты и куски парчи, бархату и плису, а этихъ шелковыхъ тканій такъ просто груды, хоть полъ ими устилай.

Я, вѣдь, въ шелковой одеждѣ и сюда въ Березовскій явилась. Щедръ и милостивъ былъ ханъ къ Макару своему, а барыня султанша еще того милостивѣе ко мнѣ.

Почитай все хозяйство на моихъ рукахъ было, всеми кладовыми я завѣдывала, и кухней и скотнымъ дворомъ.

Бывало стану у нея проситься домъ провѣдать, (съ замужества, я безотлучно при султаншѣ находилась) а она, милостивая, и говорить мнѣ: ты бы взяла чего нибудь изъ кладовыхъ, чтобъ у васъ недостатка не было, ну, да и въ запасъ тоже возьми, намъ вѣдь ни поѣсть, ни переносить всего, что тамъ

лежить, да, вотъ скоро и новая подать поступать будетъ, бери, я сама тебѣ позволяю. Не жизнь это была а просто сказка.

Среди подобнаго-то роскошества и довольства Господь посѣтилъ меня несчастіемъ: въ Петровки моя мученица малютка умерла. Вотъ они судьбы-то человѣческія! въ наготѣ и сибѣгу, въ холодѣ и голодѣ жива и здорова была, а въ сказочномъ довольствѣ, на шелку и бархатѣ умерла!....

Не мало горевала я по ней, вспоминая всѣ перенесенныя бѣдствія и муки.... тяжело материнскому сердцу.

Со смертію ея, я точно осиротѣла, съ мужемъ видалась не особенно часто, все больше находилась при султаншѣ, а на нашей женской половинѣ жизнь затворническая, сидишь, какъ въ монастырѣ, за 12 дверями, за 12 замками и никого изъ постороннихъ людей не видишь, о муцинахъ, и говорить ужъ нечего, никто изъ нихъ туда не смѣлъ показываться. Ужъ больно утомительна такая жизнь! дни кажутся безконечными, а ночи еще того тошнѣе.

На шестомъ году моего замужества и жизни во дворцѣ, пріѣхалъ къ Хану въ гости какой-то знатный и богатый англичанинъ. Долго онъ жилъ въ Хивѣ и больно подружился съ Ханомъ. Говорили, что онъ привезъ большіе подарки отъ английской царицы или отъ ихнего короля не знаю, кто въ то время въ ихъ землѣ царствовалъ; ханъ принялъ подарки, часто чествовалъ его обѣдами, угощалъ и веселилъ.

Часто и подолгу они вели между собой бѣсѣды и ханъ не разъ спрашивалъ его чѣмъ онъ можетъ отдарить его и ихнего короля или царицу.

Бери, говоритъ Ханъ, все то, что тебѣ приглянется въ моемъ царствѣ, а если хочешь, то проси и золотой казны. Не надо мнѣ, говоритъ гость, твоей золотой казны, не надо мнѣ и городовъ твоихъ, ты отдай мнѣ Ханъ, что тебѣ ничего не стоитъ или что ты ни за что и ни во что не считаешь, то и отдай мнѣ; Ханъ и спрашиваетъ, что же это такое, что я ни во что не считаю? Нѣтъ, говоритъ англичанинъ, ты мнѣ скажи отдашь-ли это, что я прошу?

Приздумался Ханъ и спрашиваетъ—такъ-таки ничего не стоитъ и ничего не значить! Такъ скажи начтожь это тебѣ-то нужно, ничего не стоящее, ничего не значущее?

А на то говоритъ англичанинъ, что наша царица такъ богата, что никакимъ богатствомъ въ мирѣ ее не удивишь, присытились ей всѣ богатства, глядѣть-то она на нихъ не хочетъ и всякаго за дружбу и добрую услугу сама озолотить.

Поразмысливъ немного, ханъ и говорить, ужъ если такъ, ужъ если тебѣ и твоей царицѣ безпремѣнно надо то, что я ни во что не считаю и этимъ ни ты, ни твоя царица не обидитесь, то бери!

-- На этомъ твое ханское слово, говорить англичанинъ?

Слово мое законъ, по всему моему царству, отвѣтствовалъ Ханъ!

Ну, ударили по рукамъ. Теперь говорить ханъ: скажи мнѣ чѣмъ же я долженъ отвѣтствовать передъ тобою и твоей царицей?

Отпусти плѣнныхъ и рабовъ, какіе только есть въ твоёмъ царствѣ, сказалъ англичанинъ.

Ханъ такъ за головушку и схватился обѣими руками, и говорить, этого нельзя, лучше отдамъ полцарства, а рабовъ и плѣнныхъ не могу!

— Я знаю только одно, говорить англичанинъ, что ханское или царское слово законъ. Да, ты, не печалься, ханъ, за каждаго раба и плѣннаго, я тебѣ золотомъ заплачу; и велѣлъ отвѣсить шесть пудовъ червонцевъ изъ чистаго золота.

Такъ на томъ и порѣшили.

— Какъ же ты объ этомъ узнала Акулина Григорьевна, можетъ быть выкупало это Русское правительство, а не англичанинъ, вѣдь выкуплены-то тогда были одни русскіе, а англичанину что за нужда выкупать русскихъ?

«Удостоверить доподлинно не могу, и такъ болтали у насъ, что выкупилъ русскихъ невольниковъ англичанинъ, а выкуплены были дѣйствительно только одни русскіе и набралось насъ 418 человекъ. Больше всего въ Хивѣ въ неволѣ кизиль-башей, Персіанъ, ихъ тогда не выпустили, да окромя ихъ и другіе народы есть, тѣ тоже послѣ насъ остались въ Хивѣ».

— Вотъ поэтому-то Акулина Григорьевна мнѣ и сдается, что у васъ зря болтали, будто англичанинъ выкупилъ русскихъ; вышедшіе изъ неволи должны не англичанина, а русскаго Императора Николая Павловича благословлять, не такъ ли?

Правильно, что въ тѣ поры царствовалъ батюшко Николай Павлычъ!... Царство ему небесное, много онъ слезъ осушилъ...

Старуха набожно перекрестилась и задумалась.

— Что Акулина Григорьевна, знать ты сомнѣваешься въ моихъ словахъ?

«Нѣтъ родимый, не о томъ рѣчь, а думаю я о томъ, какое передъ тѣмъ да и въ ту пору смутное время было въ Хивѣ».

-- Отчего же это смута то вышла?

— Слыхаль чай о Перовскомъ?

— Какъ не слыхать, слыхаль и много слыхаль!

— Ну, такъ вѣтъ, онъ такую-то смуту поселилъ, что и сказать нельзя: тревога на все царство пошла. Такой всполохъ былъ, что и передать нельзя, изъ дворцовъ выбираться стали, гонцы за гонцами скакали.

«Да нѣтъ-то нѣтъ, ужъ успокоились, какъ назадъ повернулъ. Въ эту пору плохо намъ русскимъ было, отдано было приказаніе, говорятъ, какъ появится Перовскій на хивинской землѣ, перебить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и невольниковъ, *) тутъ всѣ тебѣ враги сдѣлались.

«Ложисья бывало спать и не увѣрена увидишь ли завтра красно солнышко, а въ льстивыя рѣчи и не думай вѣрить.

Ужъ такъ-то тягостно, ужъ такъ тягостно было, что и передать нельзя. Тутъ я и взмолилась, чтобъ Богъ не покинулъ насъ и какъ не красно и не привольно жилось, а думаю лучше уйти отъ соблазна подальше, на свою сторону. Что изъ того, что на тебѣ шолкъ, подъ тобой бархатъ, да надъ тобой-то всевременно ножъ висить, аль отраву какую дадутъ, у нихъ и это не рѣдкость.

А время-то все шло, да шло, слухи не прекращались, все поговаривали, что русскихъ невольниковъ отошлуть въ Россію. Узнать достовѣрно было не у кого, спросить самую султаншу опасно.

Максимычъ угрюмый сталъ, слова не добьешься.

«Разъ прихожу домой, его нѣтъ, пришелъ поздно, такъ онъ никогда не засиживался, спрашиваю гдѣ былъ? У своихъ, говорить былъ.

— Что же у него тутъ родство что ли было, Акулина Григорьевна?

«Не родство, а своими-то мы называли вольныхъ русскихъ людей, что сами охотой въ Хиву пришли и поселились тутъ.

— Какъ, развѣ и такіе были, кто же они, откуда?

«А разнаго званія люди, все больше старообрядцы, да двоеданцы. Какъ тѣнить ихъ вѣру стали въ Россіи да въ Сибирь, да по острогамъ разсаживать, вѣтъ они и пошли въ разныя сто-

*) Въ дѣлахъ Архива упраздненнаго управления Оренб. генералъ губернатора, мы нашли докладную записку предсѣдателя Оренб. пограничной комиссіи Григорія Фёдоровича Генса къ графу Сухтелену Оренб. ген. губернатору отъ 25 ноября 1831 года, гдѣ онъ указываетъ именно на опасность не достигнуть освобожденія плѣнниковъ чрезъ экспедицію, такъ какъ при приближеніи русскихъ войскъ, хивинцы перерѣжутъ плѣнниковъ своихъ.

роны, кто куда, кто въ Туреччину, кто на Кавказъ, кто въ Хиву угодили.

«Были тутъ и барскіе, были и вольные, а больше всего изъ уральцевъ. Приходили они партіями, дойдутъ до ханскихъ предѣловъ и велятъ донести хану, что молъ, поселиться желаемъ, можно или нѣтъ? А пришли мы де не съ худой цѣлью, а потому, что утѣшеніе въ вѣрѣ нашей приняли.

«Ханы разрѣшали имъ селиться, покупать земли, торговать и даже вино курить, но только для себя, а не на продажу здѣшнимъ.

— Не слыхивалъ такихъ чудесъ, Агулина Григорьевна, не слыхивалъ!

«Ну, гдѣ слышать, они вѣдь крадучись отъ всѣхъ властей уходили, да и въ Хивѣ то ай-ай тихо жили, ихъ и не видать. Все больше надъ книгами сидѣли, всякія Божественныя книги были съ ними, а тобы гдѣ намъ тамъ знать, когда Рождество, когда постъ какой наступаетъ, когда св. Пасха и все такое; отъ нихъ-то все и узнавали; ну и начетчики были изъ нихъ, больно дошли и горазды.»

— А ты, какъ же это знаешь, развѣ говорила съ ними?

«Не томко что говорила, они у насъ въ домѣ и требы отпращивали; тамъ вѣдь русскаго попа не достанешь, ну что случится и зовутъ ихъ. Придетъ начетчикъ то и читаетъ молитвы и обрядъ какой можетъ исполнять, ладаномъ покурить, аллилуія пропоеть, гдѣ надо.

«Я еще не говорила, что съ Макаромъ въ Хивѣ дочь прижила, по третьему годку изъ Хивы сюда ее привела, а другой дочкой сюда беременна вышла.

Ну, такъ вотъ, когда дочка родилась, надо-же ее окрестить, куда дѣнешься, и позвали начетчика, онъ и молитвы читалъ и аллилуія пѣлъ, а въ воду не окуналъ и не остригалъ, начетчикъ вѣдь не попъ, а псаломщикъ по нашему, ну да еще и то, мы православные, а они старообрядцы.

— Ну что же, кумъ и кума были?

Не безъ того, были, все русскіе же, крестины какъ слѣдуетъ справляли и вино пили и угощенье всякое было.

— Ну, Агулина Григорьевна, разодолжила же ты меня, въ первый разъ въ жизни слышу про это и не читалъ даже нигдѣ про такія оказіи, чтобъ въ Хивѣ крестины справляли и аллилуія пѣли и вино пили, ну разодолжила...

Поживешь, то-ли, родной, услышишь! Вотъ отъ своихъ-то М каръ и узналъ, что Ханъ всѣхъ русскихъ невольниковъ от-

пускаетъ, но не неволить тѣхъ, кто не пожелаетъ возвращаться, не неволить и двоеданъ съ старообрядцами, тѣ совсѣмъ отказались идти на свою сторону.

«По всему, говорить, хивинскому царству теперь кличь-кликнуть и на базарахъ оглашеніе сдѣлано, чтобъ всѣ у кого есть русскіе невольники и невольницы одни или съ дѣтьми, представляли бы ихъ къ Хану.

Послѣ такого приказу и стали ихъ пригонять, тутъ и меня султанша спрашиваетъ, какъ де я думаю, выходить или оставаться?

Посовѣтуюсь, говорю, съ мужемъ, а чего совѣтоваться, онъ на отрѣзъ сказалъ, что не пойдетъ. Много тутъ у насъ грѣха выходило.

Ханъ самъ и не однажды спрашивалъ Макара, какъ онъ думаетъ, идти или оставаться, тотъ все одно твердитъ, молъ остаюсь. Не разъ добрѣйшій Ханъ самъ усовѣщевалъ его: эй! Макарь, совѣтую тебѣ идти, сокрушаться потомъ будешь, смотри тоска возьметъ, какъ всѣ уйдуть, тогда поздно и опасно будетъ: киргизы изловятъ или убьютъ, а тутъ при васъ стража будетъ и подводы.

Объявила и я барынѣ султаншѣ такъ молъ и такъ, идти собираюсь. Опечалилась она, шибко опечалилась, индо слезы у нея, сердечной навернулись.

— Чѣмъ мы тебѣ, говорить, не угодили, кажись всей душой рады были, любили, какъ свою родную, заботились объ тебѣ..

«Сплакалась и я, и мнѣ шибко жаль ее было, вѣдь жила съ ней, свыглась, подумать только надо, почитай шесть лѣтъ, все вмѣстѣ и день-денской и ночь при ней, сердечной, коротала. Да и то еще смущало меня—какая послѣ меня угодить и будетъ-ли отъ всего оборонять и укрывать, вѣдь всякій народъ бываетъ.

— Не гнѣвайся, говорю ей, не отъ обидъ иду, окромя добра, ничего не видывала и грѣхъ мнѣ будетъ подумать иначе, а иду въ свою сторону, чтобъ въ своей землѣ косточки сложить.

Говорю я это, а сама горячими слезами заливаюсь, смотрю и она тоже плачетъ и жалостливо такъ смотреть на меня, точно не барыня, не султанша, словно не повелительница, а сестра родная...

— Ужъ такъ-то жалостливо, прощались мы, что и говорить нечего! Какъ доброту-то не вспомнешь, какъ забудешь ласки!...

— А какъ стали мы съ Макаромъ Максимычемъ прощать-

ся, такъ вотъ ужъ слезъ-то было! Повалилась это я ему въ ноги и говорю: благослови ты меня, голубчикъ, и дочь свою... приведетъ ли еще когда нибудь Господь-Богъ на этомъ свѣтѣ встрѣтиться, прости ты меня! прости на вѣки вѣчные! Коль дойду до земли русской, буду молебень служить о здравіи твоёмъ и поминать въ молитвахъ своихъ.

Ужъ онъ на что крѣпокъ былъ, а тутъ не стерпѣлъ, ровно малый ребенокъ сталъ, охватилъ насъ съ дочерью въ охапку, да такъ и залился слезами, благословилъ, а провожать не поѣхалъ.

За городомъ всѣхъ насъ собрали, перекличку по бумагамъ сдѣлали, пересчитали, набралось насъ 418 человекъ, разбили по партіямъ, по эшелонамъ и указали подводы подъ кладъ и шарабору (мелочныя вещи, пожитки).

Первый переходъ былъ не великъ, у большого арыва остановились на ночлегъ. На зарѣ я встала и начала перекладываться, въ попыхахъ-то вѣдъ ладомъ не уложишься.

Копнусь это я въ мѣшкахъ, а дочурка еще спить, не вставала, только слышу, Господи, Истинный Христосъ! что это мнѣ чудится, голосъ-то, ровно, Макара, гляжу въ ту сторону и уши наострила, слышу явственно, онъ меня гаркаетъ, я къ нему и машу, замѣтилъ, скачетъ...

— Ну, вотъ, и я къ вамъ въ компанію! И я въ походъ готовъ! Всю ночиньку глазъ не сомкнулъ, все сусѣдушко душилъ меня, да такія то рѣчи нашептывалъ, что хоть руки на себя накладывай. Вскочилъ это я, да къ Хану бѣжать, такъ, молъ и такъ, а Ханъ на молитву въ мечеть собирался. Не на себя, говоритъ Ханъ, надо руки накладывать, а поди ты на мои конюшни и наложи руки на любимаго моего коня, да отправляйся къ семьѣ, въ партію, теперь ты ее еще на мѣстѣ захватишь.

Я бухъ ему въ ноги, поклонился земно, поцѣловалъ край его халата, да скорѣй на коня. Ровно вѣтромъ доставилъ онъ меня сюда, прискакалъ да гаркаю. Ну, теперь вмѣстѣ въ путь дорогу!...

— Такъ-то, вмѣстѣ съ Макаромъ мы и дошли вплоть до самаго Оренбурга. Тутъ насъ росписали по губерніямъ, кто откуда и куда пожелаетъ, сдѣлали всѣмъ опросъ, какимъ случаемъ кто угодилъ въ Хиву и все такое прочее.

Я объявила, что я изъ отряда Березовскаго, жена казака Ивана Степанова, взята въ плѣнъ киргизами вмѣстѣ съ нимъ, я, молъ, угодила въ Хиву, а онъ остался въ киргизахъ.

Долго начальство все въ бумаги смотрѣло, да промежъ себя

рѣчи вело, потомъ и объявляютъ: Иванъ Степановъ пять лѣтъ, какъ возвращенъ изъ плѣна и теперь находится въ отрядѣ Березовскомъ, а ты де должна объявить куда хочешь приписаться, хочешь ли возвратиться въ Березовскій отрядъ къ своему прежнему мужу Ивану Степанову или останешься при настоящемъ мужѣ и какъ думаешь поступить со своею дочерью?

«Желаю, говорю я, возвратиться въ отрядъ Березовскій, къ своему прежнему мужу и дочь сохранить при себѣ. Спросили Макара; не препятствую, говорить, и дочь препоручаю ей, а само Макаръ отписался въ Астраханскую губернію. Тутъ мы съ нимъ ужъ разстались, знать, на вѣки вѣчные и ни одной-то вѣсточки больше не слыхивала объ немъ; а этому вотъ уже минуло 47 лѣтъ.

На подводахъ насъ доставили по мѣстамъ, я возвратилась въ Березовскій отрядъ, гдѣ и нашла Ивана Ивановича въ добромъ здоровѣи и не женатымъ. Стали мы съ нимъ снова жить, и прожили лѣтъ съ 25. Господь далъ намъ сына Андрея, съ которымъ я и живу теперь, а двухъ дочерей «хивинокъ»¹⁾ окрестили, да выдали замужъ.

Вотъ, мой родной! какъ все это было и почему я въ народѣ все еще слышу за «хивинку».

Много же тебѣ, Акулина Григорьевна, привелось испытать въ жизни и много горя на твою долю выпало, но рука Всевышняго вездѣ охраняла и спасала тебя, вырвалось у меня неволью.

«Благодареніе Создателю! благословляю Господа, что сподобилъ многое перенести и испытать; теперь объ одномъ только еще остается, молить Милосердаго.»

— О чемъ же ты хочешь Его просить?

— О христіанской кончинѣ живота моего!... и старушка набожно взглянула въ передній уголь на иконы.

Съ глубокимъ участіемъ слушала я грустную эпопею былаго прошлаго; невольная тоска сжала мое сердце и жгла голову. Передо мной возставали картины прошлаго и думала я: сколько феноменальныхъ старичковъ и старушекъ доживаетъ свой вѣкъ, на нашей заброшенной и забытой окраинѣ, на земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска, въ захолустной глуши, въ этихъ безвѣстныхъ поселкахъ, гдѣ еще такъ недавно на каждомъ шагу, на каждой пяди земли: въ кустахъ, лѣсахъ, на покосахъ и лугахъ, на пашняхъ и гумнахъ, на скалахъ и камняхъ, на

¹⁾ Одну она по третьему году привела изъ Хивы съ собой, а другой была беременна при возвращеніи оттуда (*Асторъ*).

тихихъ струяхъ Урала и на льду его, разыгрывались кровавыя драмы. А неумолимое время дѣлаетъ свое дѣло и нещадно коситъ дѣятелей героической эпохи, той славной эпохи, въ которой жизненные вопросы ставились ребромъ и рѣшались безповоротно;—эпохи, борьбы и устоя русскаго племени, съ необузданнымъ, стихійнымъ стремленіемъ дикихъ ордъ кочевниковъ.

Не только каждый годъ, но каждый день и часъ уносятся этихъ борцовъ, а съ ними самую память о прошедшемъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, много десятокъ лѣтъ и самая память о минувшемъ изгладится изъ памяти народной. А между тѣмъ, сколько бодрости, сколько жизненной силы, отваги и молодечества, стойкости и твердости въ вѣрѣ отцовъ, сколько крѣпости въ убѣжденіяхъ выказало это отживающее поколѣніе.

Всѣ дѣянія этого поколѣнія, весь его нравственный кодексъ, весь складъ и бытъ этого стального, закаленного поколѣнія исчезнуть, не вдохновивъ грядущаго потомства, и событія, полныя интереса и драматизма, теперь еще таящіяся въ безвѣстной глуши, кануть въ вѣчность, вмѣстѣ съ дѣятелями, нигѣмъ неоцѣненныя, нигѣмъ не занесенныя ни въ какія сказанья и лѣтописи.

Вотъ причина, почему Оренбургское казачье войско до сихъ поръ не имѣетъ ни своей исторіи ¹⁾, ни монографій.

А между тѣмъ весь край полонъ самаго жгучаго, захватывающаго интереса; еще всюду парить и вѣетъ духъ вѣковой борьбы за право жизни и достоянія.

Эти событія и ихъ дѣятели ждуть не простаго пера туриста, иль мимолетнаго наблюдателя, иѣтъ, ихъ трагизмъ ждетъ поэта-драматурга, чтобы воскресить всю жизнь въ картинахъ и своей жгучей, электрической строфой пробудить насъ отъ мертвеннаго сна для блага и борьбы духовной.

Пусть же молодое поколѣніе не тратитъ по напрасну избытокъ кипучихъ силъ своихъ, пусть не страшится насмѣшекъ и хулы за первые не твердые шаги, а съ любовью примется за дѣло, помня совѣтъ безсмертнаго Пушкина своей Музѣ:

«Велѣнью Божию, о муза, будь послушна,

«Обиды не страшись, не требуй и вѣнца,

«Хвалу и клевету пріемли равнодушно

«И не оспаривай глупца! (*Пушкинъ*).

¹⁾ Есть хронологическій перечень событій, но это далеко не исторія.

Тогда мощное слово станетъ въ защиту сѣдой старины, дѣянья предковъ не будетъ звукъ пустой, и жизнь и пѣснь за вѣтной старины сольются съ жизнію и пѣсней внуковъ удалыхъ.

Н Вухаринъ.

Историческая замѣтка

къ статьѣ «Хивинка».

Разсказъ старушки Акулины Григорьевны Степановой—жены казака Оренбургскаго казачьяго войска Ив. Ив. Степанова, жившаго въ Березовскомъ поселкѣ Орскаго уѣзда Таналицкой станицы,—и понавшей въ плѣнъ въ Хиву около 1835 года, имѣеть ту своеобразную прелесть, что рисуетъ давно-прошедшее время въ правдивыхъ словахъ очевидицы—старушки Степановой. Авторъ записалъ этотъ разсказъ почти что подъ диктовку самой разсказчицы, почему онъ очень натураленъ и читается съ интересомъ. Отдаленность времени и незнаніе старушки болѣе точныхъ историческихъ указаній объ этой эпохѣ, даетъ намъ возможность восполнить нѣкоторый пробѣлъ въ ея разсказѣ, почему и приводимъ записанное нами сообщеніе, лично слышанное въ Февраль 1891 года отъ старожила—оренбуржца, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Михайловича Бекчурина, въ 1838—1841 г.г. служившаго въ Оренбургской пограничной комиссіи и ксати сказать, получившаго воспитаніе въ Неплюевскомъ военномъ училищѣ въ періодъ 1832—1838 г.г.

Вотъ что сообщилъ намъ почтенный старожиль:

Какъ очевидецъ выхода изъ плѣна нашихъ русскихъ, я долженъ до-бавить слѣдующее: ихъ вышло въ Россію въ 1840 году двѣ партіи: одна черезъ Усть-Уртъ на Илецкую Соляную Защиту, а другая черезъ Мангишлакъ на Александровскій фортъ, а оттуда моремъ въ Гурьевъ городокъ.

Въ первой партіи было около 50 человекъ, а во второй 484 чело-вѣка.

Вѣроятно Акулина Григорьевна была въ первомъ эшелонѣ, такъ какъ не упоминаетъ ни о Мангишлакѣ, ни о морѣ.

Находясь съ 1838 по 1841 годъ на службѣ въ Оренбургской погра-ничной комиссіи и состоя переводчикомъ при предсѣдателѣ ея покойномъ генералъ-маіорѣ Г. Ѳ. Генсѣ, я оба раза былъ командированъ для встрѣчи нашихъ плѣнныхъ.

Въ Хивѣ, передъ выходомъ оттуда русскихъ, были два англичанина: Аббатъ и Шекспиръ; Аббата я не видалъ, потому что онъ прослѣдовалъ съ плѣнными только до Петровскаго форта на р. Эмбѣ и оттуда возвратился назадъ въ Хиву.

Что касается полковника англійской службы Шекспира и бывшаго съ хивинскимъ посланникомъ Ишанъ Ходжой, сопровождавшимъ русскихъ плѣн-ныхъ черезъ Александровскій фортъ, я встрѣтилъ ихъ на Нижне-Уральской линіи въ Горячинскомъ форпостѣ, гдѣ ихъ обоихъ, согласно данному мнѣ предписанію, тамъ остановилъ и прожилъ съ ними въ этомъ форпостѣ ровно двѣ недѣли.

Когда пріѣхалъ въ форпостъ чиновникъ пограничной комиссіи (помѣ-щалась на Николаевской улицѣ въ домѣ, нынѣ занимаемомъ киргизскою учи-тельскою школою) корнетъ Антовъ, только что освобожденный изъ Хивы, я

сдалъ ему Шекспира и Ишанъ-Ходжу и Аятовъ повезъ ихъ въ Оренбургъ, а я остался въ Горячкинскомъ форпостѣ для сопровожденія плѣнныхъ до Оренбурга.

Освобожденіемъ своимъ изъ плѣна наши русскіе обязаны собственно Хану Хивинскому, котораго на это была добрая воля, вслѣдствіе страха, наведеннаго на него шедшимъ на Хиву русскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Оренб. военнаго губернатора и командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса генераль-адъютанта Василія Алексѣевича Перовскаго. Отрядъ этотъ, остановившись на урочищѣ Чучакулъ (свиное озеро), вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ и морозовъ, воротился потомъ въ Оренбургъ.

Хивинскій ханъ Аллахъ-Кули-Ханъ полагаетъ, что отрядъ перезимуетъ на урочищѣ, а весною двинется на Хиву, почему и поспѣшилъ исполнить требованіе русскаго правительства—возвратить или освободить русскихъ плѣнныхъ.

Лично намъ рассказывалъ еще Н. М. Бекчуринъ, что онъ видѣлъ первую партію (съ которой вѣроятнѣе всего была Акулина Григорьевна Степанова) въ Іюль 1840 г. въ *Илецкой Защитѣ*. Въ то время тамъ былъ комендантомъ полковникъ Поплавскій. Для осмотра плѣнныхъ прибылъ въ Защиту самъ Г. Ѳ. Генсъ, неутомимый труженикъ своего дѣла.

Плѣнники остановились на бивакѣ въ Защитѣ (они явились почти уже ночью). Утромъ ихъ перевели въ Защиту, гдѣ Бекчуринъ отбиралъ показанія отъ каждаго: когда, гдѣ и какъ онъ былъ плѣненъ и конечно теперь не упомнить всѣхъ этихъ показаній.

Плѣнниковъ отправилъ въ Оренбургъ уже самъ Поплавскій. Что касается второй партіи (484 челов.), то Н. М. Бекчуринъ не видалъ высадки въ Гурьевѣ этихъ плѣнныхъ, которые ѣхали моремъ на парусныхъ судахъ, называемыхъ у уральскихъ казаковъ «посудинами.»

Н. М. Бекчуринъ слышалъ отъ очевидца этой встрѣчи плѣнниковъ слѣдующее:

Когда плѣнники сошли на берегъ, то поднялся не то *стонъ*, не то *воплъ*... *Старики упали ницъ на землю, цѣловали ее и даже прызли*, приговаривая: *«матушка ты наша родимая! Привелъ милосердый Господь увидать тебя...»* Всѣ не только плакали, но рыдали отъ радости... Эту минуту радостнаго возбужденія народной массы ни описать, ни передать никому не удастся. Надобно было быть самому и видѣть эту потрясающую сцену.

Партія эта прибыла въ Гурьевъ къ концѣ Августа 1840 г. Среди партіи были и мужчины и женщины, грудные дѣти, подростки, парни и дѣвушки, дряхлые старцы и старухи. Многіе изъ нихъ и родились и возросли въ Хивѣ, на чужбинѣ, не знали даже русскаго языка. Одѣты были всѣ по хивински: въ халатахъ, круглыхъ бараньихъ шапкахъ и въ юфтовыхъ сапогахъ. Въ помощь Н. М. Бекчурину для сопровожденія партіи, Наказный Атаманъ уральскаго войска Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ далъ двухъ оберъ-офицеровъ. Въ Гурьевѣ и вездѣ на пути, плѣнниковъ встрѣчали, какъ родныхъ братьевъ, каждый считалъ для себя священнымъ долгомъ принять плѣнника на квартиру, угостить и послушать многострадальную исторію плѣненія. Партія шла до Оренбурга ровно 30 дней. Н. М. Бекчуринъ на пути составилъ имъ подробный списокъ и между прочимъ тайно узналъ, что Шекспиръ при выходѣ, одѣлъ всѣхъ плѣнниковъ на свой счетъ и далъ верблюдовъ—съ дѣлію чтобы говорили они, что онъ есть единственная при-

чина ихъ искупленія. Но начальство скоро раскусило въ чемъ дѣло. На дорогѣ Бекчурину пришлось ѣхать верхомъ, ибо многіе отставали, запрягать лошадей въ телѣги плѣнники разучились, и вообще надо было много хлопотъ, чтобы ихъ довести до рогатокъ—за Уральскимъ мостомъ, около мѣноваго двора, куда плѣнники прибыли въ концѣ Сентября 1840 г. Бекчуринъ, поскакалъ въ Оренбургъ доложить о прибытіи плѣнныхъ.

Еще на дорогѣ, тѣ плѣнники, которые были съ Нижнеуральской линіи, по распоряженію начальства, разъѣхались по своимъ мѣстамъ.

Плѣнниковъ собрали въ пограничную комиссію, сдѣлали переключку, опросили, а затѣмъ отпустили по домамъ.

За многими прѣхали, оповѣщенные объ ихъ освобожденіи, родные и знакомые.

Генсъ (жившій въ домѣ, гдѣ нынѣ домъ кунца Назарова на Николаевской улицѣ, рядомъ съ Дворянскимъ Собраніемъ) самъ лично всѣхъ опрашивалъ, записывая выдающіеся факты изъ ихъ плѣненія.

Что касается Аитова, то онъ былъ командированъ въ концѣ Ноября 1839 года, изъ Гурьева городка и ѣхалъ съ 90 чел. киргизами, ведя около 600 верблюдовъ на *Чучакуль изъ Эмбенское укрѣпленіе* въ отрядъ Перовскаго, для поднятія тяжестей отряда. Киргизы на дорогѣ взбунтовались, связали его и передали въ Хиву, куда онъ прибылъ въ Февралѣ 1840 года.

Бекчуринъ ѣздилъ на островъ *Гогольскъ* въ 30 вер. отъ Гурьева на Каспійскомъ морѣ, гдѣ и захватилъ обманомъ вліятельныхъ киргизъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ разговорѣ вышеупомянутыхъ киргизъ на увозѣ Аитова. Плѣнниковъ доставилъ Бекчуринъ въ началѣ Января 1840 г. въ Гурьевъ городокъ. Ихъ освободили въ 1840 г. въ Августѣ, по просьбѣ сего Аитова. Интересенъ фактъ съ медицинской точки зрѣнія, что двое изъ *аманатовъ: 85 и 79-лѣтніе старикъ померли на каубвахтѣ изъ Гурьевъ отъ натуральной осы*. Бекчуринъ ѣздилъ на о—вѣ Гогольскъ съ 50 уральскими казаками и двумя братьями офицерами: Хорунжимъ и Сотникомъ *Осиповыми*.

С. Н. Севастьяновъ.